

ИСТОРИЯ ВЛАСТИ
ОТ ПЕТРА I
ДО НИКОЛАЯ II

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

П. А. СТОЛЫПИН

Государственные деятели России глазами современников

Сборник
П. А. Столыпин

ИЦ «Пушкинского фонда»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Сборник

П. А. Столыпин / Сборник — ИЦ «Пушкинского фонда»,
2018 — (Государственные деятели России глазами современников)

ISBN 978-5-99007582-9-2

Петр Аркадьевич Столыпин – одна из наиболее ярких и трагических фигур российской политической истории. Предлагаемая читателю книга, состоящая из воспоминаний как восторженных почитателей и сподвижников Столыпина – А. И. Гучкова, С. Е. Крыжановского, А. П. Извольского и других, так и его непримиримых оппонентов – С. Ю. Витте, П. Н. Милюкова, – дает представление не только о самом премьер-министре и реформаторе, но и о роковой для России эпохе русской Смуты 1905–1907 гг., когда империя оказалась на краю гибели и Столыпин был призван ее спасти. История взаимоотношений Столыпина с первым российским парламентом (Государственной думой) и обществом – это драма решительного реформатора, получившего власть в ситуации тяжелого кризиса. И в этом особая актуальность книги. Том воспоминаний читается как исторический роман со стремительным напряженным сюжетом, выразительными персонажами, столкновением идей и человеческих страстей. Многие воспоминания взяты как из архивов, так и из труднодоступных для широкого читателя изданий. Составитель настоящего издания, а также автор обширного предисловия и подробных комментариев – историк и журналист И. Л. Архипов, перу которого принадлежит множество работ, посвященных проблемам социально-политической истории России конца XIX – первой трети XX в.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-99007582-9-2

© Сборник, 2018

© ИЦ «Пушкинского фонда», 2018

Содержание

И. Л. Архипов	7
Орел, змея, подкова	11
Губернаторские уроки	15
Новое лицо власти	20
Политический выход	24
«Премьер-джентльмен»	29
Реформаторская премьера	33
Либеральный арсенал	37
Слово и дело власти	40
Ключевая ставка	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

И. Л. Архипов

Петр Аркадьевич Столыпин

- © Архипов И. Л., составление, вступительная статья, комментарии, 2017
- © Бок (Столыпина) М. П. (наследники), 2017
- © Гирс А. Ф. (наследники), 2017
- © Маклаков В. А. (наследники), 2017
- © Тыркова-Вильямс А. В. (наследники), 2017
- © Обласов В. Ю., оформление серии, 2017
- © ООО «ИЦ Пушкинского фонда», 2017 Издательство «Пушкинского фонда» ®

И. Л. Архипов

Реформатор между революцией и реакцией

Политическая судьба П. А. Столыпина и связанных с его именем реформ драматична и парадоксальна. Столыпин оказался на вершине власти в самый сложный исторический момент, в условиях острого противостояния власти и общества, непрекращающихся революционных выступлений и начинающихся преобразований, «предначертанных» идеологией Манифеста 17 октября 1905 года.

Получив приглашение в Царское Село на высочайшую аудиенцию 25 апреля 1906 года, саратовский губернатор П. А. Столыпин не ожидал, скорее всего, столь стремительных изменений в своей карьере и тем более не настраивался на роль «великого реформатора». Николай II предложил ему занять кресло министра внутренних дел в новом составе правительства, которое спешно формировалось под председательством И. Л. Горемыкина к запланированному на 27 апреля созыву Государственной думы. Почтенный представитель консервативной высшей бюрократии И. Л. Горемыкин был назначен вместо отправленного в отставку графа С. Ю. Витте, автора Манифеста 17 октября 1905 года, доставлявшего царю массу неудобств масштабностью своей фигуры, наличием собственных взглядов и попытками продолжать либеральные преобразования. А Петру Аркадьевичу предстояло заменить многоопытного полицейского деятеля П. Н. Дурново, раздражавшего общественное мнение как «усмиритель революции» и символ крайней реакции. 44-летний Столыпин, служивший преимущественно в провинции, не имел еще ни громкой известности, ни одиозной репутации. Он казался государю вполне подходящим кандидатом в новых условиях, когда «исторической власти» впервые придется сосуществовать с народным представительством. Вопрос о проведении каких-либо реформ не поднимался.

Николай II воспринимал Столыпина, судя по всему, просто как энергичного, решительного чиновника-администратора, хорошо знакомого со всем, что происходило в стране. Петр Аркадьевич импонировал и личным мужеством. Назначая Столыпина главой Министерства внутренних дел, а спустя всего два с половиной месяца – председателем Совета министров, царь не догадывался об имеющемся у него потенциале политического лидера и яркого публичного политика с амбициями крупного государственного деятеля. В противном случае, конечно, на одной из ключевых должностей в структуре государственной власти оказался бы персонаж совсем другого склада. Благоприятно, как залог будущей покладистости министра, мог воспринять Николай II и продемонстрированную Столыпиным нерешительность: мол, он не уверен, что опыта работы в провинции будет достаточно в такое тревожное время, и, возможно, сначала было бы лучше поработать товарищем (заместителем) министра. «В конце беседы я сказал государю, что умоляю избавить меня от ужаса нового положения», – сообщал Петр Аркадьевич в письме супруге. Вынужденный подчиниться приказанию, Столыпин не испытывал ни особой гордости от столь ответственного назначения, ни «воли к власти»: «Вчера судьба моя решилась! Я министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что Он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне... я надеюсь пробыть министром 3–4 месяца. Выдержать продолжающийся шок, поставить в какую-нибудь возможность работу с народными представителями и этим оказать услугу Родине». Приходилось забыть о том, что еще совсем недавно губернатор Столыпин, не скрывая своего ощущения сильнейшей усталости,

сти, только и мечтал: «Лишь бы пережить это время и уйти в отставку, довольно я послужил, больше требовать с одного человека нельзя...»¹.

Принципиальные политические уступки, вырванные у Николая II буквально под угрозой потери власти, в дни массовой всероссийской стачки, подразумевали переход от неограниченного самодержавия к «обновленному строю»: конституционной монархии с выборным народным представительством, обладающим законодательными полномочиями. Традиционные для России запоздалость и половинчатость реформ усугублялись дефицитом доверия к власти, сохраняющимся почти во всех общественных кругах, и недовольством самых многочисленных и активных социальных слоев населения. И Столыпин, быстро освоившийся в столичных придворных сферах и среди бюрократической элиты, преодолев самоощущение провинциала, заняв ключевые позиции премьер-министра и одновременно главы Министерства внутренних дел, попытался ответить на вызовы и общественные запросы – предложив политику модернизации в сочетании с «успокоением».

Столыпиным была сформирована системная программа либеральных реформ, не имевшая, по сути, аналогов в российской истории XIX – начала XX века по своей комплексности, не говоря уже о реальных шансах на воплощение (естественно, при определенных обстоятельствах). Историческая заслуга Столыпина состояла в том, что он аккумулировал в программе важнейшие элементы преобразований, потребность в которых давно назрела (роль «генератора» реформаторских мероприятий признавалась за ним отнюдь не всеми современниками). А главное – взяв на себя ответственность, искренне и энергично, особенно в первые годы, стремился продвигать осуществление этой программы. Помимо аграрной реформы (разумеется, одной из основополагающих и значимых в социально-экономическом отношении) программа предусматривала целый ряд преобразований, нацеленных на развитие институтов гражданского общества и укрепление принципов правового государства в повседневной практике носителей власти. Важное место занимали реформы местного управления и самоуправления, призванные оздоровить и одновременно упрочить «вертикаль власти», развитие земств, изменение судебной системы, преобразование силовых структур, формирование системы социальной защиты трудящихся слоев населения и т. д.

Примечательно, что Столыпин своим политико-психологическим обликом и стилем поведения сразу заявил о себе как о государственном деятеле нового типа, а не просто очередном представителе «сановной бюрократии». Неординарный масштаб фигуры становился еще более очевиден благодаря качествам блестящего публичного политика, которые раскрылись с первых же выступлений в Государственной думе. Убежденный в необходимости серьезных шагов по дальнейшему «обновлению России», первоначально он хотел наладить сотрудничество с умеренными либералами и привлечь в правительство популярных общественных деятелей. Столыпин воспринимался обществом как «конституционалист», хотя и предпочитал пользоваться формулировкой «представительный строй». Премьер отдавал себе отчет, что понятие «конституции» и после 17 октября 1905 года остается для Николая II категорически неприемлемым – и политически, и психологически, в силу так и неизменившегося мировосприятия «неограниченного самодержца». П. Б. Струве, один из ведущих идеологов русского либерализма, редактор журнала «Русская мысль», оценивая критически «позднего» Столыпина, признавал: в своей деятельности премьер-министр испытывал потребность в элементах конституционной системы власти, которые являлись и условием его самореализации как государственного деятеля. «Он хорошо понимает, что откровенное восстановление самодержавия в том смысле, в каком оно отменено манифестом 17 октября, т. е. в смысле неограниченной власти монарха, было бы в своих последствиях катастрофически губительно для русского госу-

¹ Здесь и далее знаком * обозначены подстрочные примечания, арабской цифрой – примечания к вступительной статье (см. с 73–76), а также комментарии, расположенные в конце настоящего издания.

дарства, – отмечал Струве. – <...> Перед нами любопытный случай: чувствами и традициями Столыпин совсем не связан с конституцией и к ней не привязан, но весь масштаб его личности делает конституционную жизнь страны безусловно необходимой для полного проявления этой личности. Таким образом, не только по соображениям государственно-рассудочным Столыпин держится за конституционную *форму*; он и непосредственно ею дорожит как эстетически... необходимой рамкой для его личности»².

Роковая коллизия сопровождала пятилетнему пребыванию Столыпина у власти. Наиболее плодотворным, с точки зрения успешного проведения реформ «сверху», оказался самый сложный период. Это время с июля 1906 года, когда одновременно с роспуском 1-й Думы Столыпин занял пост премьер-министра, и до созыва 2-й Думы в феврале 1907 года. По всей стране продолжались еще революционные волнения, а власть сталкивалась с ожесточенным противодействием оппозиции – от либералов-кадетов до социал-демократов и «трудовиков» на левом фланге. Используя инструмент «чрезвычайно-указного» законодательства, предусмотренного статьей 87 Основных законов, утвержденных 23 апреля 1906 года, Столыпин добился одобрения царем, в частности, ключевых решений по аграрной реформе, отмены правовых ограничений для крестьян, дополнительных послаблений в сфере вероисповедания. Однако по мере ослабления революционной угрозы для правящего режима и наступления «стабильности» не только притуплялась потребность в преобразованиях, но и стремительно возрастало сопротивление последующим реформаторским шагам.

Противодействие исходило от всех главных «центров влияния», которые предопределяли характер и эффективность реформаторской деятельности правительства Столыпина. Это и лично Николай II, императрица, члены императорской семьи, и «придворная камарилья» – ближайшее окружение царя, традиционно консервативное и чуткое к его настроениям, и так называемое «объединенное дворянство» – боровшиеся за сохранение своего политического и экономического влияния крупные помещики и землевладельцы. Давление со стороны правоконсервативных и откровенно реакционных сил, включая пользующихся симпатией Николая II «черносотенцев» различных оттенков, ослабляло позиции Столыпина и его способность добиваться проведения преобразований. Более того, в правящих верхах, на фоне прогрессирующего самоуспокоения и уходящего страха перед революцией, снижалась потребность в самом Столыпине, который являлся не просто номинальным главой правительства, а стремился объединять его деятельность на основе программы реформ. А. И. Гучков, лидер партии октябристов, которая длительное время была в Думе основной опорой для курса Столыпина, утверждал, что влияние этих сил стало одним из главных факторов неудачи реформ. «Как это ни странно, но человек, которого в общественных кругах привыкли считать врагом общественности и реакционером, представлялся в глазах тогдашних реакционных кругов самым опасным революционером, – отмечал Гучков. – Считалось, что со всеми другими так называемыми революционными силами легко справиться (и даже чем они левее, тем лучше) в силу неосуществимости тех мечтаний и лозунгов, которые они преследовали, но когда человек стоит на почве реальной политики, это считалось наиболее опасным. Поэтому и борьба в этих кругах велась не с радикальными течениями, а главным образом с целью свергнуть Столыпина, а с ним вместе и тот минимум либеральных реформ, которые он олицетворял собою... Убить его политически удалось, так как влияния на ход государственных дел его лишили совершенно, а через некоторое время устранили его и физически»³.

Столыпин пытался лавировать, понимая, в каких условиях приходится действовать и насколько влиятельные силы оказывают сопротивление реформам. Премьер был вынужден идти на уступки, в ряде ситуаций – весьма существенные, сдавая принципиальные позиции. Однако проблема была не в Столыпине, не он являлся инициатором «отката» в преобразовательной активности, хотя общественное мнение и возлагало на него в значительной степени ответственность за изменение курса. Промедление с реформами (за исключением аграрной) в

контексте очевидного подавления революции начиная с 1908–1909 годов все чаще ставилось в вину Столыпину. К тому же знаменитая формула «сначала успокоение, а затем реформы» ассоциировалась во многом именно с его позицией. Наблюдался отказ, в той или иной форме, или непоследовательность при осуществлении важнейших реформ, которые способствовали бы комплексному разрешению социально-политических проблем в стране. Либеральные преобразования, развивающие принципы конституционализма и правового государства, заложенные в Манифесте 17 октября, подменялись воинствующим национализмом, демонстративными великодержавными «жестами» (особенно в отношении Финляндии), показной заботой об укреплении военной мощи, вызывающей защитой таких одиозных методов полицейского государства, как политическая провокация в стиле «азефовщины». Лозунг «Великой России» все больше наполнялся совсем иным политическим содержанием, чем подразумевала программа либеральных по своей сути реформ, выдвинутая Столыпиным в 1906–1907 годах.

Впрочем, похоже, в последний период и сам Петр Аркадьевич осознавал провал политики реформ. Пребывая в крайне подавленном состоянии, особенно после «конституционного кризиса» в марте 1911 года, он ощущал в складывающихся властно-политических реалиях свою обреченность как государственного деятеля. Утратив реальную поддержку Николая II, он при этом окончательно лишился и поддержки умеренных либералов-октябристов. Символично и то, что Столыпин, хорошо понимая специфику политического режима, который так и не удалось вовремя реформировать в либеральном ключе, незадолго до гибели говорил с провидческой безнадежностью: «Меня убьют, и убьют чины охраны».

Орел, змея, подкова

Петр Аркадьевич Столыпин происходил из древнего дворянского рода, известного с XVI столетия и обладавшего обширными связями с другими знатными семействами, знаменитыми фигурами военной и сановной элиты. Столыпины, судя по родословной, как отмечают исследователи, не относились к числу наиболее именитых и знатных родов, это были служилые дворяне. В течение XVIII века они вошли в верхние слои дворянской элиты, и с начала XIX столетия представители семейства стали достигать высоких позиций на гражданской и военной службе. Самые известные линии рода ведут начало от Алексея Емельяновича Столыпина (1744–1810), пензенского губернского предводителя дворянства, у которого было пятеро сыновей и пятеро дочерей.

Один из сыновей, Дмитрий Алексеевич Столыпин (1785–1826), дед будущего реформатора, закончивший службу генерал-адъютантом и состоявший при особе императора, участвовал в Отечественной войне 1812 года, в том числе в Аустерлицком сражении, затем служил на юге. Он был в хороших отношениях с П. И. Пестелем, и есть сведения, что декабристы предполагали включить Дмитрия Алексеевича в состав временного правления. Его брат, Аркадий Алексеевич Столыпин (1778–1825), женатый на дочери адмирала Н. С. Мордвинова, – друг и сподвижник реформатора М. М. Сперанского, сенатор и обер-прокурор одного из департаментов Сената. Сыновья А. А. Столыпина – гвардейские офицеры Алексей Аркадьевич (1816–1858) и Дмитрий Аркадьевич (1818–1893) были близкими друзьями М. Ю. Лермонтова. Алексей Аркадьевич как секундант участвовал в его роковой дуэли. Примечательно, что братья Столыпина являлись родственниками Лермонтова по женской линии. Их тетя, Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожденная Столыпина), приходилась бабушкой Михаилу Юрьевичу, она и воспитывала будущего поэта (и знаменитое имение Тарханы принадлежало Столыпиным). Дмитрий Аркадьевич, уехав за границу после выхода в отставку с военной службы, увлекся философией О. Конта, написал ряд сочинений по философии права. Возвратившись на родину, популяризировал устройство крестьянских хуторов на землях, арендованных у помещиков, противопоставляя эту систему общинному землевладению, этой теме посвящено несколько его книг.

Фамильный герб Столыпиных – своеобразное отражение истории дворянского рода, служившего верой и правдой российским царям и защищавшего интересы государства. На щите изображен одноглавый орел – геральдический символ власти, господства и при этом великодушия и прозорливости. Правой лапой орел сжимает задушенную змею, что символизирует наказанное зло, а в левой держит серебряную подкову с золотым крестом – знак грядущего счастья. Щит, увенчанный дворянским шлемом и короной, удерживают два единорога, а под ним девиз: «Deo spes mea»².

Будущий председатель Совета министров родился 2 апреля 1862 года в Дрездене (впоследствии почитатели не всегда хотели вспоминать об этом, а на установленном в Киеве памятнике даже указывалось, что Петр Аркадьевич появился на свет якобы в Москве). В это время в Германии, у своих родственников, гостила его мать – Наталья Михайловна, урожденная Горчакова, племянница знаменитого канцлера А. М. Горчакова. У его брата – наместника Польши князя М.Д. Горчакова – служил адъютантом Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822–1898). В браке с Натальей Михайловной (у него это был второй брак) родились сыновья Петр, Михаил, Александр и дочь Мария. Начав в 16 лет службу в конной артиллерии, Аркадий Дмитриевич сделал блестящую военную карьеру, получил звание генерал-лейтенанта и в последние годы заведовал дворцовой частью в Москве, то есть был комендантом Кремля. Биография отца П.

² «Бог – надежда моя» (лат.).

А. Столыпина весьма насыщенная. Он участвовал в Крымской войне, защищая Севастополь, состоял флигель-адъютантом Александра II, командовал корпусом в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, а после ее окончания был генерал-губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака. А. Д. Столыпин являлся также наказным атаманом Уральского казачьего войска, занимал различные должности в военном министерстве. Познакомившись во время Крымской войны с молодым офицером и будущим писателем Львом Толстым, он дружил с ним до конца жизни. Аркадий Дмитриевич, выходивший несколько раз в отставку, был человеком увлекающимся и разносторонним – сочинял музыку, играл на скрипке, пробовал себя в качестве скульптора, интересовался богословием, историей, искусством, написал книгу «История России для народного и солдатского чтения»⁴.

Петр Столыпин до 12 лет получал домашнее образование. Воспитанием занималась английская гувернантка, учителя французского и немецкого, благодаря чему он впоследствии свободно владел тремя иностранными языками. Детство прошло в основном в имении Колноберже, в Ковенской (Каунасской) губернии. Это небольшое имение в Литве досталось А. Д. Столыпину в счет карточного долга, и оно настолько понравилось всем членам семьи, что они перенесли сюда обстановку из своих родовых великорусских поместий. Между тем Столыпиным принадлежали владения в Саратовской, Пензенской, Нижегородской, Казанской, Московской губерниях, было еще одно имение в Ковенской губернии (добираться до него приходилось через Пруссию из-за отсутствия железной дороги). В зимний период семья проживала в Колноберже, а летом проводила значительное время в Швейцарии. Собственный дом был у Столыпиных и в Вильно – здесь Петр с братом Александром учились в гимназии. Но завершали обучение они в Орловской мужской гимназии – семья переехала в Орел, где размещался 9-й армейский корпус, которым А. Д. Столыпин командовал после Русско-турецкой войны.

Выбор естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, на который Петр был зачислен в августе 1881 года, был нетипичен для юноши из аристократической семьи. Более ожидаемым было бы обучение в расчете на военную, государственную или дипломатическую службу. Однако помехой для военной карьеры стало заболевание правой руки, действовавшей плохо, – ее приходилось поддерживать, а когда Петр писал, то подкладывал левую руку, помогавшую водить пером по бумаге. Причина недуга достоверно не известна – современники говорили о некоем несчастном случае в юности, о травме, в результате чего рука начала «сохнуть». Распространена была и романтическая версия: будто бы Петр получил ранение в руку, стреляясь с князем И. Н. Шаховским, убившим на дуэли его старшего брата Михаила. Документальных подтверждений подобного дуэльного эпизода нет, но трагическая гибель в сентябре 1882 года старшего брата отразилась и на личной жизни Петра Аркадьевича. Михаил был обручен с Ольгой Борисовной Нейдгардт, приходившейся правнучкой легендарному полководцу А. В. Суворову, и перед смертью он просил брата о ней позаботиться и даже благословил их брак. Петр Столыпин женился на Ольге, когда ему еще не исполнилось двадцати двух лет, – столь ранние браки тогда были редкостью, особенно для студентов («Смотри, женатый», – с интересом указывали на него товарищи по университету). Супружеская жизнь Петра Аркадьевича и Ольги Борисовны оказалась счастливой: у них родились пять дочерей – Мария, Наталья, Елена, Ольга, Александра, а в 1903 году появился на свет и сын Аркадий.

Столыпин успешно окончил университет в 1885 году, получив степень кандидата физико-математического факультета. Судя по всему, его привлекала широта образования, которое давалось на этом факультете, – он изучал математику, физику, химию, анатомию, зоологию, ботанику, геологию, агрономию и т. д. Дипломная работа, написанная на последнем курсе, была посвящена экономико-статистическим вопросам разведения табака на юге России. «Восьмидесятник» по своему менталитету, сохранявший консервативность мировоззрения и симпатизирующий идеям славянофилов, он с увлечением изучал естественные науки (нужные

и для последующей хозяйственной деятельности как помещика). Столыпин был равнодушен к студенческому «нигилизму» – видимо, уже тогда у него вызвали отторжение оппозиционные настроения и радикализм интеллигенции. Естественно, проблем с полицией у него не возникало, напротив, Петр был зачислен на службу в Министерство внутренних дел еще в 1884 году, до окончания университета (подобное случалось нечасто!). Возможно, сказалась забота о своем зяте Б. А. Нейдгардта, почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии Федоровны.

Впрочем, вскоре после окончания университета Столыпин подал прошение о переводе в Министерство государственных имуществ – в департамент земледелия и сельской промышленности. Служба, начатая со скромной должности помощника столоначальника, проходила в статистическом отделе. Доступ к огромному объему статистических материалов, характеризующих развитие экономики и особенно процессы становления «аграрного капитализма», был полезен для формирования экономических воззрений и в будущем подходов к проведению аграрной реформы. Столыпин участвовал в составлении библиографического указателя литературы по развитию сельского хозяйства, изданного в 1887 году, изучал труды ведущих экономистов по аграрному вопросу. Свидетельство положительных оценок работы Столыпина: за участие в продолжающейся земельной реформе он был награжден знаком отличия «За поземельное устройство бывших государственных крестьян». В 1888 году Петр Аркадьевич получил звание камер-юнкера и оказался включен в статусный «Адрес-календарь»⁵.

В 1889 году Столыпин, по собственной инициативе вновь переведенный в Министерство внутренних дел, был назначен ковенским уездным предводителем дворянства (в девяти губерниях Западного края, в бывших польских губерниях, предводители дворянства не избирались). Сменив столицу на провинцию, Петр Аркадьевич возвратился в Ковенскую губернию уже со своей семьей.

В течение десяти лет Столыпин – предводитель дворянства Ковенского уезда. В 1899 году Петр Аркадьевич был назначен губернским предводителем дворянства, заняв во властной иерархии Ковенской губернии вторую по значимости – после губернатора – должность. Семья ежегодно около пяти месяцев жила в городе Ковно, переселяясь после Пасхи в Колноберже. Поэтому летом Столыпин постоянно курсировал между Ковно и имением, где проводил половину недели. На землях Западного края предводитель дворянства помимо обычных представительских функций должен был проявлять и способности дипломата, смягчая по возможности противоречия между русскими властями и польской шляхтой. И Столыпину, усердно и добросовестно исполнявшему обязанности предводителя, судя по всему, это удалось. Как вспоминала Мария, старшая дочь Столыпина, отец, не ограничиваясь лишь своими непосредственными обязанностями предводителя, стремился создавать в губернии «что-нибудь новое».

«Любимым его детищем было Сельскохозяйственное общество, на устройство которого он положил много времени и сил и работа которого вполне оправдала его надежды, – отмечала М. П. Бок (Столыпина). – Был при нем склад сельскохозяйственных орудий, устройство которого особенно увлекало папá. Молодой, энергичный и деятельный мой отец рьяно принялся за работу с первого же дня своей службы и до последнего дня... Кроме Сельскохозяйственного общества и склада, по его почину был построен в Ковне Народный дом, и много времени он проводил там, следя за устройством ночлежного отделения, чайной, за правильной постановкой чтения для рабочих и народа вообще; за устройством представлений и народных балов. Мои родители всегда ездили на эти представления, и помню, с каким энтузиазмом они рассказывали о первом представлении кинематографа, об этих „удивительных движущихся картинах“... Но вообще, вечера, когда родители уезжали из дому, были редки. Кроме посещения нескольких представлений за зиму в Народном доме, они изредка бывали в городском театре, но почти исключительно на гастролях проезжавших через Ковну знаменитостей. Ковна лежала по дороге из Петербурга в Берлин, и случалось, что ездившие в турне артисты оставались на

один-два дня у нас, и тогда, конечно, маленький ковенский театр бывал битком набит публикой»⁶.

Тем не менее в этот период, особенно до назначения губернским предводителем дворянства, основным делом Петра Аркадьевича было занятие собственным хозяйством – прежде всего в Колонобережье и примыкавших к нему фольварках Петровском и Ольгино. Увлеченный этим делом, он смог превратить имение в образцовое хозяйство с многопольным севооборотом и развитым животноводством. К началу XX столетия в руках семейства Столыпиных, с учетом полученных наследств, покупок и продаж имущества, было 7450 десятин земли в различных губерниях, что обеспечивало Петру Аркадьевичу заметное место в среде поместного дворянства⁷.

Столыпин занимался в ковенский период и самообразованием. Изучал современную литературу по праву, экономике, финансам, уделяя внимание западноевропейскому опыту и его применению в российских реалиях. Эти знания находили отражение в докладах и записках, которые Столыпин готовил как председатель Ковенского общества сельского хозяйства и представлял в Министерство внутренних дел. Так, в составленной в 1901–1902 годах «Записке о рабочем страховании» поднималась совершенно новая для России тема социального страхования именно сельскохозяйственных рабочих. Проанализировав законодательство и опыт европейских стран, Петр Аркадьевич считал необходимым и в России развивать страхование для сельскохозяйственных рабочих, улучшая тем самым условия труда и жизни. Обращение к этому вопросу диктовалось отнюдь не теоретическим интересом, а вполне практическими соображениями, актуальными для Ковенской губернии. Местных помещиков сильно беспокоило, что сельскохозяйственные рабочие – батраки и поденщики, недовольные условиями найма, – массово уходят на заработки в Германию. Считая бесполезной и вредной борьбу с трудовой миграцией путем запретов (хотя за это высказывались многие крупные ковенские землевладельцы), Столыпин полагал, что важнее улучшать положение рабочих, в том числе с помощью социального страхования⁸.

Губернаторские уроки

В мае 1902 года достаточно неожиданно Столыпин оказался назначен гродненским губернатором. Петр Аркадьевич, вместе с семьей отдыхавший и лечившийся на курорте в Германии, был срочно вызван в Петербург новым министром внутренних дел В. К. Плеве. Премник Д. С. Сипягина, убитого 2 апреля эсером-террористом в Мариинском дворце, взял курс на выдвижение в губернаторы дворян, хорошо знавших местную жизнь. Одним из первых таких решений стало назначение Столыпина губернатором Гродненской губернии, соседней с Ковенской. Плеве учитывал и наличие у Столыпина опыта работы чиновником в Петербурге, и службу уездным и губернским предводителем дворянства в течение 13 лет. Министр мог оценить инициативность Столыпина, не желающего быть «статистом», умение выстраивать диалог с различными общественными группами, вдумчивость и самостоятельность суждений в докладах и записках, выдержанных при этом в умеренно консервативном стиле. Например, в записке по поводу проекта Министерства внутренних дел о введении земства в западных губерниях Петр Аркадьевич заявлял о недопустимости земских выборов, которые могут привести к обострению борьбы между русским и польским населением и создать «нездоровую атмосферу». В то же время, высказываясь против идеи назначения земских гласных губернатором, он предлагал формировать их состав примерно по той же схеме, как избираются присяжные заседатели для окружных судов, что обеспечит «умный подбор» кандидатов, утверждаемых представительными межведомственными уездными комиссиями, а затем – министром внутренних дел.

Благодаря соседству Гродненской и Ковенской губерний в укладе жизни семьи Столыпина, ставшего самым молодым губернатором в России, больших изменений не произошло. Семейство с восторгом восприняло переезд в огромный старинный замок последнего польского короля Станислава Понятовского, отведенный под резиденцию губернатора (рассказывали, что предшествующий губернатор катался по дворцу на велосипеде!). Показательный штрих к портрету П. А. Столыпина: по воспоминаниям дочери, несмотря на увлеченность новой работой, она не совсем его удовлетворяла из-за отсутствия «полной самостоятельности». «Гродненская губерния с Ковенской и Виленской составляли одно генерал-губернаторство, и, таким образом, губернаторы этих губерний подчинялись генерал-губернатору виленскому. Хотя в то время и был таковым крайне мягкий администратор и очень хороший человек князь Святополк-Мирский, работа моего отца под начальством которого ни одним трением не омрачилась, все же она не была совершенно самостоятельной, что претило характеру папá», – отмечала М. П. Бок⁹.

Примечательно, что еще в 1903 году, будучи гродненским губернатором, Столыпин публично обозначил основные контуры грядущей аграрной реформы и ряд сопутствующих ей мероприятий. На заседаниях губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности (они были созданы во всех губерниях по указанию из Петербурга, в рамках соответствующего Особого совещания), Столыпин проявил себя как государственный деятель, которого всерьез волнуют перспективы аграрной сферы. Причем взгляд на эти вопросы был довольно широким – отнюдь не с узкословесных, помещичьих позиций. Среди первоочередных проблем и задач, требующих решения, Петр Аркадьевич обозначил устранение чересполосицы крестьянских земель и расселение крестьян на хутора. Подчеркивалась важность агрономической помощи, предоставления мелиоративного кредита и, в целом, развития мелкого кредита, кооперации, дорожного строительства. Особенно необходимо было, по его мнению, развитие народного образования, пропаганда сельскохозяйственных знаний, создание сельскохозяйственных школ, расширение существующих мужских училищ и даже организация женских школ. Столыпин горячо возражал одному из помещиков, который ратовал за доступ-

ность образования лишь для «обеспеченных классов»: мол, помещикам нужна только рабочая сила, повышение же образовательного уровня рабочего люда будет подталкивать их к «государственному перевороту, социальной революции и анархии». «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведет его к анархии, – утверждал Петр Аркадьевич. – Общее образование в Германии должно служить идеалом для многих культурных стран. И между тем нет более спокойной и лояльной страны, как Германия». Либерализм суждений Столыпина о необходимых преобразованиях дополнялся принципиальным подходом, который будет характерен на протяжении всей последующей реформаторской деятельности. Власть должна «сверху», по собственной инициативе, проводить мероприятия по улучшению условий жизни для крестьянского населения, не дожидаясь, пока оно осознает необходимость этого «при подъеме умственного развития»¹⁰.

Вскоре, через десять месяцев после назначения в Гродно, Столыпин получил возможность работы более самостоятельной и ответственной и в гораздо более сложных условиях. Министр внутренних дел Плеве, пригласив Петра Аркадьевича в феврале 1903 года в Петербург, сообщил о решении назначить его губернатором в Саратов. Безусловно, это было знаком особого доверия. Саратовская губерния – более крупная по площади, с пестрым по национальному составу населением – считалась в политическом отношении «красной», как и все Поволжье. Двумя годами ранее Столыпин продал свое родовое поместье, находившееся в Вольском уезде Саратовской губернии, чтобы даже изредка не ездить в столь отдаленные края. Просьбу о возможности продолжить службу в Гродно, поближе к Колноберже и другим поместьям родственников, Плеве категорически отверг: «Меня ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание, я считаю вас подходящим для такой трудной губернии и ожидаю от вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов». Столыпин был вынужден подчиниться, тем более что решение Плеве, одобренное, несомненно, Николаем II, диктовалось высокой оценкой его способностей.

Саратовская губерния считалась одной из наиболее проблемных в России: высокая общественная активность, в том числе благодаря традиционно левому составу земства, взаимодействие с которым складывалось у Столыпина нелегко; постоянно растущий градус оппозиционности, особенно с осени 1904 года, в атмосфере «весны Святополк-Мирского» и начавшейся «банкетной компании»; волнения и забастовки десятков тысяч рабочих и грузчиков в волжских портах и бесконечные крестьянские выступления с весны 1904 года, которые вскоре стали переходить в погромы и поджоги помещичьих усадеб... В 1905 году в губернии было зафиксировано 854 крестьянских выступления; как докладывал Столыпин в Министерство внутренних дел, к концу года было разгромлено 261 имение. В 1906 году, когда революционное движение в целом по стране пошло на спад, в Саратовской губернии по-прежнему отмечалось множество беспорядков – пятьсот тридцать пять в течение года. Было сожжено в итоге более трети помещичьих имений. По этому показателю губерния, как в дальнейшем пытались ставить в вину Столыпину его противники «справа», превосходила большинство губерний. Тем не менее в правящих кругах в Петербурге работа Столыпина оценивалась положительно. Николай II (в 1904 году он дважды удостоивал губернатора Столыпина аудиенциями) следил за положением дел, и за достигнутые успехи в «успокоении» губернии Петр Аркадьевич получил в декабре 1905 года высочайшую благодарность.

У Столыпина, действовавшего в сложнейшей обстановке (общественно-политической, революционно-криминальной, психологической и т. д.), формировался стиль политического лидера, который будет в дальнейшем отличать его среди высокопоставленных чиновников. Накапливался опыт и проявлялись психологические качества, способствовавшие превращению в масштабную фигуру государственного деятеля и публичного политика.

Петр Аркадьевич обнаружил умение произносить эффектные речи перед аудиториями различного состава и по-разному настроенных. Увлекающие своим пафосом и искренностью,

не перегруженные казенными клише, выступления Столыпина были не просто эмоциональными, но и просчитанными – с точки зрения политической конъюнктуры. Сильное впечатление произвела одна из первых речей, произнесенная в начале 1904 года в Саратове на многолюдном обеде в честь отправляющегося на фронт отряда Красного Креста. Войну с Японией, в которую ввязалась Россия, по распространенному мнению вследствие авантюрных замыслов «безобразовской шайки», Столыпин в частных разговорах, в кругу семьи, оценивал без энтузиазма: «Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом». Поэтому тем более неожиданной стала вдохновенная речь перед «саратовским обществом». «Я вдруг почувствовала, что что-то капает мне на руку, и тогда лишь я заметила, что я плачу: смотрю вокруг себя – у всех слезы на глазах, – вспоминала М. П. Бок. – ... Многие уже громко рыдают. Забыто, что не за русскую землю дерется русский солдат, что далеки от наших домов поля, где многим суждено найти смерть и куда спешат им на помощь и поддержку те, кого мы сегодня провожаем, и лишь ярко сияет одна вечная правда о том, что каждый сын России обязан по зову своего царя встать на защиту Родины от всякого посягательства на величие и честь ее...» Удивленной супруге Столыпин отвечал: «Мне самому кажется, что сказал я неплохо. Не понимаю, как это вышло: я ведь всегда считал себя косноязычным и не решался произносить больших речей»¹¹.

Губернатор Столыпин, приступив к исполнению обязанностей, сразу начал методичные объезды всех уездов – это было полезно и для знакомства с положением дел, и для «взбадривания» местного начальства. Чувствовал он и острейшую психологическую востребованность у населения, особенно у крестьян, которые зачастую вообще никогда не видели «вживую» губернатора или хотя бы его чиновников. А с ростом напряженности, достигшей апогея к осени 1905 года, увеличивалась интенсивность и количество многодневных командировок Столыпина – речь шла о посещении десятков населенных пунктов!¹²

Столыпин постоянно оказывался «на передовой», в самых беспокойных уездах, являлся на митинги рабочих, буквально въезжал на лошади в волнующиеся толпы – подчас один и без оружия. Внезапные появления губернатора, демонстрировавшего уверенность, спокойствие, достоинство, контрастировали с пугливым поведением других представителей власти. Нередко те спешили укрыться от возбужденной толпы в надежных зданиях (вплоть до тюрем, домов архиепископов и т. д.), уехать из города или, напротив, не пытаясь вступить в диалог, начинали угрожать собиравшимся на митинг людям. «Речи его были кратки, сильны и понятны самому простому рабочему и крестьянину, и действовали они на разгоряченные умы отрезвляюще, – вспоминала дочь Столыпина. – ... Я помню, как он писал мамá после одной из опасных поездок в центр смуты, Балашов: „Теперь я узнал, что значит истерический клубок в горле, сжимающий его и мешающий говорить, и понял, какая воля требуется, чтобы при этом не дать дрогнуть ни одному мускулу лица, не поднять голоса выше желательного диапазона“... Папа понимал, что в это тревожное время ему надо одному приезжать к народу, который он любил и уважал. Надо говорить с ним без посредников, что тогда только народ, почувствовав искренность его слов, поймет его и поверит ему... Достигал результатов отец без громких фраз, угроз и криков, а больше всего обаянием своей личности: в глазах его, во всей его фигуре ярко выражалась глубокая вера в правоту своей точки зрения, идеалов и идеи, которой он служил»¹³.

Хорошо ощущая психологию толпы, Петр Аркадьевич мог манипулировать ее настроением, достигая чуть ли не гипнотических эффектов. Огромная толпа могла опуститься на колени после первых же слов губернатора, а затем расходилась по домам; случалось, что прямо на митинг вызывали священника с хоругвями, требуя отслужить молебен. Столыпин умело пользовался, к примеру, таким приемом (по сути, профессиональной «технологией» манипулирования): в окружении озлобленной толпы он мог вдруг властно предложить кому-то из наиболее агрессивных вожаков: «Подержи мою шинель!»; «Поддай мне пальто!» – и они под-

чинялись на глазах окружающих. Впрочем, губернатор не избежал и нескольких покушений. В Саратове из окна здания была брошена бомба, убившая несколько человек рядом со Столыпиным, направлявшимся в сторону митингующих. В одной из деревень в Петра Аркадьевича стреляли («Сегодня озорники стреляли в меня из-за кустов», – написал он в записке жене).

Волнения встречали со стороны Столыпина жесткое противодействие. Когда «увещания» не помогали, то для наведения порядка и во избежание новых жертв он прибегал к помощи войск. Например, в деревнях арестовывались зачинщики выступлений, а в село на постой ставился отряд солдат или казаков. «Дела идут плохо. Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми помещиками. На такое громадное пространство губернии войск мало, и они прибывают медленно. Пугачевщина!» – оценивал ситуацию Столыпин в письме жене уже после издания Манифеста 17 октября¹⁴. Летом и осенью 1905 года по мере нарастания революционной волны Столыпин обращался к военному командованию с просьбами направить в губернию дополнительные силы. Так, в Саратов был откомандирован для расследования беспорядков и принятия мер по их прекращению генерал-адъютант В. В. Сахаров (в прошлом военный министр). Он расположился в доме губернатора, где проживал и Столыпин. И именно здесь 22 ноября Сахаров был застрелен пришедшей под видом «просительницы» террористкой – членом летучего отряда эсеровской боевой организации А. А. Биценко. Петр Аркадьевич, предупрежденный каким-то образом о готовящемся покушении, проинформировал об этом жандармского офицера, но получил самоуверенный ответ: «Позвольте нам знать лучше, чего хотят эти люди...» (Весьма знаковая ситуация, как окажется в будущем – в историческом контексте трагичных взаимоотношений Столыпина с «охраной»!)

Столыпина оппозиционная общественность обвиняла в лояльности и даже в сотрудничестве с самоорганизующимися крайне правыми, тем не менее он решительно пресекал и черносотенные погромы, и выступления «левых» толп. Когда после объявления Манифеста 17 октября начались черносотенные погромы (во многих губерниях, а не только в Саратовской), Столыпин, возвратившись из отпуска, сразу распорядился прекратить погром, продолжавшийся в Саратове уже два дня. Войскам было приказано открыть огонь: 3 погромщика были убиты и 18 ранено. В то же время 16 декабря 1905 года в Саратове с помощью войск был жестоко разогнан революционный митинг (погибло 8 человек). Спустя два дня полиция решительно арестовала членов саратовского Совета рабочих депутатов, действия которого дестабилизировали ситуацию.

В 1904–1905 годах, на фоне растущей революционной стихии и особенно крестьянских выступлений в Саратовской губернии, Столыпин еще более убеждался в необходимости срочного решения аграрной проблемы. Во всеподданнейших отчетах Николаю II он отмечал, что сохранение общины негативно влияет на уклад сельской жизни (это убеждение, возникшее во время работы в западных губерниях, подтверждали и наблюдения в Саратовской губернии). Петр Аркадьевич, высказываясь за принятие мер по переходу крестьян к единоличной собственности, предлагал незамедлительно позволить инициативным крестьянам закреплять за собой наделные земли. Следует также использовать для предоставления крестьянам государственные земли и земли Крестьянского банка. Это необходимо, чтобы «наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли»¹⁵. Столыпин, энергично подавляя революционные выступления, воспринимал это как предпосылку к дальнейшим преобразованиям: «...я свой долг исполню и сохраню порядок и спокойствие, которых властно требует общество для проведения реформ»¹⁶.

В Саратове у Столыпина появился и опыт составления политических воззваний к населению, публиковавшихся в губернской печати, – они были призваны тоже способствовать восстановлению порядка. Например, 22 января 1906 года появилось обращение «К сельскому насе-

лению» с призывом не верить агитаторам социалистических и революционных организаций, предлагавших захватывать частные земли, выбирать крестьянские комитеты, не платить налогов и сборов и т. д. Угрожая, что власти будут «поступать как с бунтовщиками» с теми, кто последовал призывам к «произволу и насилию», «вступил на путь грабежа», Столыпин апеллировал к предстоящему созыву Государственной думы. Губернатор, озабоченный «успокоением», пытался внушать идею, что только Дума «может заявить царю о всех народных нуждах и указать способы их удовлетворения: только это связывающее царя с народом учреждение даст настоящий ответ на все запросы и нужды народа, а не самозванные опекуны народа»¹⁷. Петр Аркадьевич тогда не догадывался, видимо, об утопичности этих надежд на умиротворяющее влияние первого народного представительства, с которым ему придется соприкоснуться уже в новой ответственной роли...

Новое лицо власти

Назначение Столыпина министром внутренних дел в правительство под председательством И. Л. Горемыкина, состоявшееся 26 апреля 1906 года, накануне созыва Государственной думы, было неожиданным. Современники, а затем и историки затруднялись с объяснением стремительного выдвижения на один из ключевых постов в системе власти Российской империи не очень известного 44-летнего чиновника-губернатора, ставшего самым молодым руководителем Министерства внутренних дел, а вскоре возглавившего Совет министров. Петр Аркадьевич не относился к традиционному кругу высшей столичной бюрократии – в последние 17 лет вся его служба происходила в провинции. Не наблюдалось явных «протекций» и особо влиятельных покровителей при дворе. Да и сам Столыпин не рвался поменять службу в Саратовской губернии, в сложной и по-прежнему беспокойной ситуации, на какую-либо должность в Петербурге. Так, весной 1905 года он отказался от предложения министра финансов В. Н. Коковцова стать управляющим Крестьянским поземельным банком. А в конце октября 1905 года, когда в ходе переговоров С. Ю. Витте с видными либеральными деятелями о вступлении в правительство появились слухи, что Столыпин рассматривается среди кандидатов в министры внутренних дел (как альтернатива неприемлемому для общественности П. Н. Дурново), он успокаивал супругу: «Не верь газетной утке, что мне предложили пост министра внут<ен>них> дел. Слава богу, ничего не предлагали, и я думаю о том, как бы с честью уйти, потушив с Божьей помощью пожар»¹⁸.

Очевидно, что назначение Столыпина главой Министерства внутренних дел было, главным образом, личным решением Николая II. Он знал Петра Аркадьевича, позитивно оценивал его губернаторскую работу, позволившую продемонстрировать качества энергичного администратора – решительного при наведении порядка и одновременно способного к диалогу с различными общественными кругами. Возможно, принималось в расчет и то, что Столыпин не принадлежал ни к каким группировкам в придворном окружении государя и не был чьим-либо «ставленником». Впрочем, на выбор царя не могли не влиять мнения людей, которых он ценил. Например, И. Л. Горемыкина, о чем свидетельствует письмо Николая II матери, императрице Марии Федоровне: «Я тебе не могу сказать, как я его (Столыпина. – И. А.) полюбил и уважаю. Старый Горемыкин дал мне добрый совет, указавши только на него! И за то спасибо ему»¹⁹. Он мог прислушаться и к суждениям дворцового коменданта Д. Ф. Трепова, который в январе – октябре 1905 года был товарищем министра внутренних дел с почти «диктаторскими» полномочиями и пользовался колоссальным доверием царя. Возможно, какую-то роль сыграли и родственные связи со Столыпинными представителями семейства Оболенских – управляющего кабинетом его величества князя Н. Д. Оболенского («Коти», как его называли близкие) и князя А. Д. Оболенского, обер-прокурора Синода. Последующее же назначение его премьер-министром предопределил, в первую очередь, сам Столыпин – выделяясь с лучшей стороны на фоне других членов правительства, и особенно Горемыкина.

Выбор 66-летнего Горемыкина на пост главы правительства в столь ответственный момент, накануне открытия Думы, вызвал недоумение и в общественных кругах, и в среде бюрократии. Иван Логгинович, не скрывавший неприятия любых идей «обновления России», отличался не только безнадежной консервативностью взглядов. Он как руководитель славился «олимпийским спокойствием» – пассивностью, безразличием к происходящему. Было понятно, что подобная фигура мало подходит для того, чтобы наладить диалог с народным представительством и достичь соглашения хотя бы с умеренной либеральной оппозицией. Однако Николай II исходил совсем из других критериев: ему хотелось, чтобы новый премьер, в отличие от С. Ю. Витте, был лично предан и полностью управляем. «Для меня главное то, что Горемыкин не пойдет за моей спиной ни на какие соглашения и уступки во вред моей власти,

и я могу ему вполне доверять, что не будет приготовлено каких-либо сюрпризов, и я не буду поставлен перед совершившимся фактом», – пояснял царь свое решение В. Н. Коковцову.

В итоге подтвердились опасения, откровенно высказанные Николаю II министром финансов, считавшим персону Горемыкина мало пригодной в нынешних условиях: «Личность Ивана Логгиновича, его величайшее безразличие ко всему, отсутствие всякой гибкости и прямое нежелание сблизиться с представителями новых элементов в нашей государственной жизни – все это не только не поможет сближению с ними, но послужит скорее лозунгом для усиления оппозиционного настроения»²⁰.

Новый состав правительства во главе с Горемыкиным произвел крайне негативное впечатление на общественность, еще больше подрывая доверие к власти и повышая критичный, конфронтационный настрой оппозиции. Ситуацию усугубляли и такие знаковые шаги «исторической власти», как поспешное утверждение 23 апреля Основных законов Российской империи, внесение в Думу вместо ожидаемых законопроектов, обеспечивающих проведение важнейших реформ в духе Манифеста 17 октября, лишь предложения о кредите на строительство оранжереи и прачечной в Юрьевском университете. Как отмечал И. В. Гессен, один из лидеров кадетов, редактор газеты «Речь» и журнала «Право», действия власти омрачали «радостное бодрое настроение» по случаю созыва Думы: «...министерство Витте – Дурново хотя и уволено, как того требовало общество, но на его место подобрано было другое из заведомых реакционеров, под председательством едва ли не самого яркого бюрократа Горемыкина, принципиального противника Манифеста 17 Октября»²¹.

Фигура Горемыкина, дискредитируя правительство, усиливала раздражение и бескомпромиссный стиль поведения оппозиции. Лидер кадетов П. Н. Милюков за несколько дней до созыва Думы предрекал в газете «Речь»: «Роль „пустого места“, по-видимому, предназначается г. Горемыкину. Судьба этого политического деятеля очень оригинальна. Ему как-то удалось, при полной политической бесцветности, создать себе некоторую репутацию – по контрасту... И вот опять г. Горемыкину придется, кажется, занять чужое место, не благодаря собственным достоинствам, а благодаря чужим недостаткам...» Новым же министрам П. А. Столыпину и И. Г. Щегловитову, считавшимися более либеральными, предстоит быть «корректными исполнителями некорректных поручений»²². Символичным, порождающим ассоциации с отживающей свой век самодержавной «бюрократией» оказывался даже внешний облик Горемыкина, по соседству с которым выигрышно выделялся Столыпин. «Впереди, с краю, маленький сутулый старичок Горемыкин с невыразительным лицом и с длинными белыми бакенбардами – совершенный Фирс из „Вишневого сада“, рядом с ним – красивый и изящный Столыпин...» – вспоминал о присутствовавших в Таврическом дворце министрах депутат 1-й Думы кадет В. А. Оболенский²³.

Столыпина в разнородном по составу правительстве сразу причислили к министрам-«либералам», считавшим себя сторонниками конституции и «правового порядка». Подобным образом воспринимались также министр финансов В. Н. Коковцов, министр иностранных дел А. П. Извольский, министр юстиции И. Г. Щегловитов (еще недавно близкий к среде либеральных правоведов и общественных деятелей). Либеральность представлений Петра Аркадьевича отмечал и товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, оставшийся одним из ключевых сотрудников и при новом главе ведомства: «В Петербург Столыпин приехал без всякой программы, в настроении, приближавшемся к октябризму»²⁴.

И действительно, Петр Аркадьевич тогда был убежден в необходимости перехода к «представительному строю», «правовому порядку» и проведению соответствующих реформ – ради спасения монархии и будущей «Великой России». Возврат верховной власти на позиции до Манифеста 17 октября, то есть отказ от сделанного исторического шага – превращения неограниченного самодержавия в конституционную монархию, представлялся Столы-

пину неприемлемым. «В понимании Столыпина переход самодержавия к „конституционному строю“ был направлен не против монарха, – характеризовал политический менталитет нового министра В. А. Маклаков, видный кадет, адвокат, депутат Думы всех четырех созывов. – Конституция для него была средством спасти то обаяние монархии, которое сам монарх убивал, пытаясь нести на своих слабых плечах непосильную для них тяжесть и обнажая те скрытые силы, которые за его спиной им самим управляли. „Конституционные“ министры могли бы оправдание его политики перед обществом взять на себя, сражаться со своими критиками равным оружием, защищаться от нападков не полицейскими мерами, а убеждением и публично сказанным словом. Для такого служения государству у Столыпина было более данных, чем у Витте; как политический оратор он был исключительной силы... Приняв конституцию, Столыпин хотел стать у нас проводником „правового порядка“... Правовой порядок для него означал не „объем“ прав человека, а их определенность и огражденность от нарушения... В неопределенности и незащищенности личных прав была одна из причин хронического раздражения и неудовольствия всего населения, превращавшего общество из опоры и сотрудника государственной власти в объект полицейских воздействий. Правовой порядок был поэтому для Столыпина не порождением „свободолюбия“, а потребностью самой здоровой, недеспотической „государственной власти“»²⁵.

Столыпин поначалу всерьез рассчитывал на сотрудничество с левой, почти в полном составе оппозиционной Думой. Понимая в широком смысле свою роль как руководителя внутренней политики, он проявил себя энергичным сторонником соглашения с либеральной оппозицией – вплоть до включения их представителей в состав кабинета и создания «коалиционного» правительства. Петр Аркадьевич в 1906 году, как свидетельствовал В. Н. Коковцов, был поборником «идеи полной готовности правительства идти навстречу новым течениям, если только они не находятся в непримиримом несогласии с только что дарованными России основными законами и обеспеченными ими прерогативами верховной власти»²⁶. Примечательно, что и к решению о необходимости роспуска 1-й Думы Столыпин придет позже многих других сановников – лишь убедившись окончательно в неудаче переговоров с общественными деятелями...

Открытый конфликт между властью и Думой разразился 13 мая, когда в Таврическом дворце с правительственной декларацией выступил Горемыкин. Декларация, прочитанная тихо и монотонно, с безразличным видом, вызвала почти единодушное негодование («Цусима нашей бюрократии»; «Исторический день», – объявляли итог думских речей газеты). Особое возмущение вызвали указания Горемыкина, что большинство нуждающихся в разрешении вопросов, обозначенных в думском адресе (это был ответ на тронную речь Николая II при открытии Думы 27 апреля), – вторжение в компетенцию правительства и государя. Огромный резонанс вызвало заранее запланированное выступление одного из лидеров партии кадетов, известного правоведа и общественного деятеля В. Д. Набокова. Под гром аплодисментов он завершил свою небольшую речь с эффектной политической риторикой финальным аккордом: «Раз нам говорят, что правительство является не исполнителем требований народного представительства, а их критиком и отрицателем, то с точки зрения принципа народного представительства мы можем сказать одно: исполнительная власть да покорится власти законодательной»²⁷. В принятой резолюции – «формуле перехода к очередным делам» – объявлялось «полное недоверие к безответственному перед народным представительством министерству», которое должно немедленно выйти в отставку и быть заменено «министерством, пользующимся доверием Государственной думы».

Впрочем, и после 13 мая Столыпин не исключал возможности установить с Думой более или менее конструктивные отношения. Он считал целесообразным попытаться договориться с наиболее умеренной частью оппозиции и найти какие-то альтернативные решения, прежде

чем безоговорочно пойти на роспуск представительства. Хотя в правительстве уже возобладало мнение, что совместная работа с Думой невозможна и пока стоит занять выжидательную позицию в расчете на решение Николая II. Подобная пассивность отвечала стилю Горемыкина. В свою очередь, Петр Аркадьевич склонен был действовать политическими методами, заявляя о себе как о публичном политике.

Политический выход

Символичен оказался политический дебют Столыпина в Думе 8 июня 1906 года. Первое выступление было ответом на депутатский запрос князя С. Д. Урусова, в недавнем прошлом товарища министра внутренних дел, о незаконных провокаторских действиях жандармских офицеров и сотрудников Департамента полиции. В контексте будущей трагической судьбы самого Столыпина, смертельно раненного 1 сентября 1911 года агентом-провокатором, обсуждение имело особый, многозначительный смысл. Речь шла о глубинной сущности «обновленного государственного строя» и трансформации политического режима, о том, действительно ли после Манифеста 17 октября 1905 года Россия превратилась в конституционное государство, в основе которого «правовой порядок», признание ценности гражданских свобод и прав личности, появление инструментов юридической и административной ответственности представителей власти. При этом затрагивался «деликатный», но традиционно болезненный для России вопрос о соотношении структур официальной власти с их полномочиями, предусмотренными действующими законами (в том числе Основными законами – по сути, «октроированной» царем конституцией!) и сохраняющими влияние, как считалось, всевозможными «темными силами». Под последними подразумевалась и «придворная камарилья», и «охранка» – остающаяся вне сферы общественного контроля система политической полиции, и, в целом, «безответственная бюрократия». Депутатский запрос содержал факты провокаторских действий чинов полиции и «охранки» – вмешательство в политическую борьбу на стороне крайне реакционных, черносотенных сил, подстрекательство к столкновениям и погромам и т. д. Среди конкретных примеров – организация в Департаменте полиции нелегальной типографии, где печатались распространявшиеся затем «погромные воззвания».

Формально Столыпин мог и не отвечать на запрос, поскольку указанные злоупотребления относились к более раннему периоду (до декабря 1905 года включительно), то есть до его назначения министром внутренних дел, тем не менее он решил прийти и выступить в Думе. Глава Министерства внутренних дел заявлял с необычной для высокопоставленного чиновника прямоотой о желании лично разобраться с фактами произвола и беззакония во вверенном ему ведомстве, включая Департамент полиции: «...недомолвок не допускаю и полуправды не признаю». Рассказав о выявленных нарушениях и последовавших санкциях, Столыпин обозначил принципиальную позицию: «Для министра внутренних дел, однако, несомненно, что отдельные чины корпуса жандармов позволяли себе, действуя вполне самостоятельно, вмешиваться в политическую агитацию и в политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти действия неправильны, и министерство обязывается принимать самые энергичные меры к тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторения их не будет»²⁸.

Министр надеялся, видимо, что, обличив пороки прошлой деятельности Министерства внутренних дел и списав их на издержки смутного времени, сможет все-таки установить некие «правила игры», позволяющие работать с Думой. Уверенный в правоте, он пытался донести до депутатов, что видит свой долг в обеспечении порядка, спокойствия и защите жизни граждан от любого насилия, несмотря на несовершенство законов, изменение которых – задача законодательной власти: «Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым». Столыпин, выступая перед Думой – одной из трех составляющих законодательной ветви власти (наряду с царем и Государственным советом), – вел себя подчеркнуто «конституционно»: «Согласно понятию здравого правосознания, мне надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России (*шум, свистки*)... Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не

вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы (*шум, крики: отставка!*)»²⁹.

Дискуссия в этот «исторический день» затронула и гораздо более глубокий, на фоне обычной политической риторики, уровень проблемы. Урусов видел корень зла в сохраняющемся вмешательстве в дела управления страной «темных сил». Теперь они подрывают доверие верховной власти к Государственной думе – условие конструктивного сотрудничества и «залог мирного развития нашей государственной жизни». Влияние на судьбы страны оказывают, таким образом, люди, которые «по воспитанию – вахмистры и городовые, а по убеждениям – погромщики». За этим политическим образом явно узнавалась фигура фаворита государя, дворцового коменданта генерала Д. Ф. Трепова (символизирующего «темные силы» и зачастую чрезмерно демонизируемого). Урусов, хорошо знакомый с порядками в системе Министерства внутренних дел и политической «охранки» и вообще со спецификой внутреннего управления в Российской империи, по сути, предупреждал Столыпина, еще не очень опытного в столичной большой политике. «Я могу утверждать... что никакое министерство, будь оно даже взято из состава Государственной думы, не сможет обеспечить порядок и спокойствие, пока какие-то неизвестные нам люди или темные силы, стоящие за недостижимой оградой, будут иметь возможность грубыми руками хвататься за отдельные части государственного механизма и изощрять свое политическое невежество опытами над живыми людьми, производя какие-то политические вивисекции», – заявлял с думской трибуны Сергей Дмитриевич. Пытаясь объяснить, почему не исполняются требования Министерства внутренних дел и губернаторов о предупреждении погромов, Урусов утверждал: «Главные вдохновители находятся, очевидно, вне сферы воздействия министра внутренних дел...»³⁰

На фоне «сенсационных» заявлений Урусова Петру Аркадьевичу не удалось убедить депутатов и публику в беспочвенности предположений о «двоевластии» и «теневых влияниях». Хотя он и пытался с демонстративной самоуверенностью утверждать: «Я должен сказать, что по приказанию государя я, вступив в управление Министерством внутренних дел, получил всю полноту власти и на мне лежит вся тяжесть ответственности. Если бы были призраки, которые бы мешали мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю»³¹.

Печать более или менее лояльно описывала первое появление в Думе Столыпина.

«Г. Столыпин слушал речь Урусова с глубоким смущением, – отмечал репортер „Биржевых ведомостей“. – Его последняя реплика, которую он произнес с дрожащим от волнения голосом, свидетельствовала, что он сознал всю неотразимость поставленного Урусовым вопроса. Нужно отдать ему справедливость. Он произвел на собравшихся впечатление честного и корректного человека. Вместо ссылок на свое бессилие, он гордо взял ответственность на себя:

– Если бы призраки существовали, я бы или уничтожил их, или ушел в отставку.

И тон его речи, и искренность последних заявлений не оставляли сомнений, что этот человек, безусловно способный во имя порядка „закономерно“ двинуть пулеметы, органически чужд этой трусливой и в то же время зверской политике варфоломеевых дней и ночей.... Чувствуется, что министр внутренне проникнут сознанием правоты народного представительства и не относится к нему с обычным для наших сановников легкомысленным презрением... Из всеми сегодня признанной порядочности г. Столыпина необходимо сделать вывод: министерство должно будет уйти или... разогнать Думу»³².

Но общественное мнение все равно было на стороне Урусова, выступление которого сразу окрестили «исторической речью»: «Нет, не речь, а отходная бюрократии, окончательно дискредитированной в глазах цивилизованного мира... картина, переносщая нас в мрачные Средние века, когда в Италии или Испании людей, почему-то неугодных правительству, убивали среди белого дня. <...> Погромная организация должна быть уничтожена во имя досто-

инства России, которой чуждо всякое человеконенавистничество. Это позорное пятно должно быть смыто. И, слава богу, у нас есть Государственная дума, благодаря которой получилась возможность безбоязненно открыть гнойник государственного организма», – с пафосом вещал журналист³³.

«Столыпин первой формации, не тот, каким его впоследствии сделали», как отмечал В. А. Маклаков уже в эмиграции, мужественно обличал в Думе прошлые порядки и пытался добиться примирения власти и либеральной общественности, необходимого обеим сторонам для дальнейшего проведения разноплановых реформ. Но Дума и партия кадетов, задававшая стиль поведения народного представительства, не осознали, что Столыпин фактически обращался за поддержкой своей политики – в том числе чтобы увереннее противостоять давлению со стороны реакционного «правого Ахеронта» и «темных сил». Либеральная общественность упустила (в 1906–1907 годах) шанс на соглашение с властью – в лице лучших представителей либеральной бюрократии, ответом Столыпину было бескомпромиссное «В отставку!». «„Темные силы“ не только убили Столыпина, они погубили Россию, – резюмировал Маклаков. – Урусов был прав: с ними не справились»³⁴.

Столыпин, получая донесения и телеграммы губернаторов с информацией о том, что выступления в Думе оказывают революционизирующее влияние на настроения в провинции, понимал, что правительство должно действовать и нельзя далее чего-то выжидать. В частности, нужно попытаться добиться соглашения с либеральной оппозицией, сформировав ради этого «коалиционное» правительство с участием ее представителей. «Он видел неудачный состав министерства, к которому сам принадлежал, – свидетельствовал В. Н. Коковцов. – Он разделял мнение многих о том, что привлечение людей иного состава в аппарат центрального правительства может отчасти удовлетворить общественное мнение и примирить его с правительством. Он считал, что среди выдающихся представителей нашей «общественной интеллигенции» нет недостатка в людях, готовых пойти на страдный путь служения родине в рядах правительства и способных отрешиться от своей партийной политической окраски и кружковской организации, и он честно и охотно готов был протянуть руку и звал их на путь совместной работы. Но передать всю власть в руки одних оппозиционных элементов, в особенности в пору ясно выраженного стремления их захватить власть, а затем идти к несомненному государственному перевороту и коренной ломке только что изданных основных законов – не могло никогда входить в его голову, и не с такой целью вел он переговоры с общественными деятелями»³⁵.

Под знаком переговоров прошла вторая половина июня 1906 года. Инициатором переговоров в лагере либеральной бюрократии был министр иностранных дел А. П. Извольский. Во время аудиенции у Николая II он передал докладную записку, составленную по инициативе «кружка» единомышленников депутатом Думы Н. Н. Львовым (саратовским земским деятелем, хорошо знакомым со Столыпиным).

Львов обосновывал – как альтернативу роспуску Думы – создание «коалиционного министерства». Именно такое правительство, включающее сторонников реформ из среды правящей элиты и умеренных либеральных деятелей (причем не только депутатов), должно стать инициатором реформ. В качестве возможного премьера виделся председатель Думы кадет С. А. Муромцев, а руководителем Министерства внутренних дел (наряду с тем же Муромцевым) мог быть и Столыпин. Считалось необходимым включение в правительство известного и авторитетного либерала-земца Д. Н. Шипова. Целесообразно и участие П. Н. Милюкова, лидера и идеолога партии кадетов, знаковой популярной фигуры, влиятельной в либеральных кругах, особенно на левом фланге («несмотря на все недостатки – громадное честолюбие и склонность к интригам, – это человек ясного ума и политического понимания»). Николай II, благожелательно выслушав Извольского и ознакомившись с запиской, спустя несколько дней уполномочил его на переговоры с упомянутыми деятелями. При этом царь, выступив, по сути, гаран-

том серьезности переговоров, в отдельной записке предписал и Столыпину включиться в эту работу³⁶.

Столыпин встречался, в числе прочих, и с Милюковым: тайное свидание, устроенное при содействии Извольского, состоялось поздним вечером 26 июня на даче премьера на Аптекарском острове. Выяснилось, что Столыпин готов искать компромисса с либеральной оппозицией лишь в рамках создания «коалиционного» кабинета. Милюков же заявлял о готовности сформировать «кадетское министерство», участие в котором самого Петра Аркадьевича «безусловно, исключено» (хотя Извольский и может быть включен). Курьезность ситуации состояла в том, что Милюков был уверен на тот момент, что в действительности государь уже принял решение о создании «кадетского министерства», и с этих позиций весьма категорически и высокомерно вел разговор со Столыпиным. Между тем неудачный результат встречи (хоть позиция Столыпина открывала реальную возможность достичь компромисса на платформе «коалиционного» правительства) оказался предreshен, по большому счету, недоразумением. И виной тому стала неопределенность и противоречивость стратегии верховной власти, в том числе из-за различных влияний на Николая II со стороны придворного окружения.

Залогом уверенности Милюкова было то, что этот спасительный для власти рецепт предложен считавшимся всесильным дворцовым комендантом Д. Ф. Треповым по итогам переговоров... с самим Милюковым (проходившими в ресторане «Кюба»). Трепов, действуя тоже с повеления Николая II, предпринял «глубокую разведку в неприятельском лагере». В итоге создалось впечатление, что тайные переговоры с Милюковым (в секрете от него велись переговоры и с другими видными либералами) оказались успешными, и Павел Николаевич «соглашался» на формирование «кадетского» правительства (с участием таких известных либеральных фигур, как С. А. Муромцев, И. И. Петрункевич, В. Д. Набоков, Н. Н. Львов, Д. Н. Шипов и др.). Милюков, удивленный сначала политической метаморфозой Трепова, был абсолютно уверен в реалистичности проекта: «Как он говорил мне на свидании, когда дом горит, приходится прыгать и из пятого этажа, – вспоминал Милюков. – Этот „дилетант“ был, очевидно, дальновиднее официальных политиков»³⁷. «Он (Трепов. – И. А.) был свободнее многих других от рутины и не боялся новых путей. Преданность же его государю была так установлена, что он мог позволить себе то, на что другие бы не посмели решиться»³⁸. В то же время, как это ни парадоксально, министр внутренних дел, считавшийся, по идее, ответственным за разрешение внутривластного кризиса, не был извещен об этом «параллельном» импульсе к поиску соглашения с либеральной оппозицией, исходившем от царя. Впрочем, злая ирония истории заключалась в том, что Милюков, встречаясь со Столыпиным, не знал и не догадывался, что к тому моменту «в сферах» уже отказались от предлагавшейся Треповым комбинации с созданием «кадетского министерства»: Николай II прислушался к другим аргументам людей из своего окружения, включая Коковцова. А предлагавшийся Столыпину «формат» сотрудничества лидер кадетов самоуверенно отверг...

Столыпин, однако, не отказался совсем от идеи «коалиционного кабинета». Глава Министерства внутренних дел попытался сделать ставку на более правых либералов, и в первую очередь на Д. Н. Шипова. У Петра Аркадьевича появился собственный, довольно циничный замысел – образовать правительство с участием популярных деятелей, первым шагом которого станет роспуск Думы и проведение новых выборов. Встреча с Шиповым, приехавшим в Петербург на заседание Государственного совета и не подозревавшего о подобных замыслах, состоялась накануне аудиенции у Николая II, назначенной на 28 июня. «Подыгрывать» Столыпину в этой интриге Шипов категорически отказался. Несмотря на свое недовольство радикальным поведением Думы, Дмитрий Николаевич считал, что ответственность в большей мере лежит на правительстве и «роспуск Думы в настоящее время представляется <...> актом несправед-

ливым и даже с политической точки зрения преступным». В любом случае не с роспуска Думы следует начинать деятельность обновленному правительству с участием либералов!³⁹

Очередная смена политического вектора у Николая II – под впечатлением беседы с Шиповым – стала сюрпризом для Столыпина. Шипов предложил возвратиться к плану создания «кадетского министерства», доказывая необходимость примирения с имеющейся Думой и «честного» осуществления Манифеста 17 октября. Но на этот раз кабинет из состава думского большинства предлагалось сформировать во главе с Муромцевым, «человеком высокоморального настроения», который «пользуется общепризнанным авторитетом», а не с Милюковым (он «слишком самодержавен»). И, как показалось Шипову, царь воспринял эти соображения благосклонно⁴⁰.

Однако и этот вариант политического соглашения власти и оппозиции вновь был сорван «закулисными» усилиями различных лиц. Серьезный вклад, похоже, внес теперь и Столыпин, не скрывавший раздражения от схемы, предложенной Шиповым (с перспективой появления на посту премьера Муромцева или какой-то другой либеральной фигуры). Кроме того, повод к форсированию роспуска Думы дали Столыпину и сами парламентарии. Глава Министерства внутренних дел был возмущен подготовленным по инициативе трудовиков обращением к населению по аграрному вопросу. Воззвание представляло собой популистский и не очень корректный ответ на «Правительственное сообщение», в котором не только резонно указывалось на недопустимость отчуждения частной земельной собственности, но и обозначался план преобразований и конкретных шагов по решению аграрного вопроса. Программа мероприятий по аграрной реформе имела для Столыпина принципиальное значение с момента назначения министром внутренних дел и в течение всего пятилетия на вершине власти. Обостренно воспринимая все, что касалось этой проблематики, Петр Аркадьевич не был готов примириться с мыслью, что депутаты Думы – «левой», нацеленной в своем большинстве на изъятие частной земли (в разных вариантах) и передачу ее крестьянам, – могут вторгнуться в правительственные планы.

Члены кабинета, собравшиеся на квартире Горемыкина вечером в пятницу 7 июля, дождались его возвращения с известием: царь подписал указ о роспуске Думы и одновременно Столыпин назначается председателем Совета министров. Петр Аркадьевич, рассказывая об аудиенции у Николая II, к которому был внезапно приглашен в середине дня, говорил, что назначение премьером застигло его врасплох и он пытался отказаться, ссылаясь «на свою недостаточную опытность, на свое полное незнание Петербурга и его закулисных влияний». Тем не менее Столыпин к этому времени уже не был прежним «провинциалом», как сразу после назначения министром внутренних дел. И ранее в доверительных беседах, как отмечал Коковцов, Петр Аркадьевич упоминал, «что ему не раз уже дано понять, что, вероятно, Горемыкин останется весьма недолго и ему, Столыпину, не миновать быть его преемником». Судя по всему, глава Министерства внутренних дел разделял негативные оценки фигуры Горемыкина, распространенные и в правящих кругах: «...личность Горемыкина как председателя Совета министров встречает решительно везде самое недвусмысленное осуждение. Ему никто не верит, ибо все знают его величайший индифферентизм и даже цинизм, его угодливость всякому заявлению государя и не скрываемое им самим отношение к его власти как непререкаемому для него закону, устраняющему самое право его, как первого министра, в чем бы то ни было противоречить его воле»⁴¹. В вероятной интриге против Горемыкина Столыпин мог рассчитывать на поддержку не только ряда влиятельных представителей «просвещенной бюрократии», но и великих князей (в частности, Николая Михайловича) и, что особенно важно, министра двора В. Б. Фредерикса, пользовавшегося у царя огромным доверием.

«Премьер-джентльмен»

Роспуск Думы, который, как всерьез опасались в правящих верхах, может вызвать новый виток революционных волнений, был исполнен Столыпиным «технологично» и безболезненно – и в управленческом, и в политическом смысле. Властная элита, не сумев найти конструктивный выход из политического конфликта с оппозицией, господствующей в Таврическом дворце, тем не менее при роспуске этой Думы действовала формально с соблюдением законов и внешних признаков «конституционности».

Столыпин, продумывая до мелочей «спецоперацию», накануне публикации указа о роспуске, намеченной на воскресенье 9 июля, сообщил по телефону председателю Думы С. А. Муромцеву о своем намерении выступить в понедельник. Таким образом он рассчитывал усыпить бдительность лидеров оппозиции на фоне и так циркулирующих слухов о возможном разгоне представительства. Исходя из этих же соображений, Петр Аркадьевич попросил Коковцова не отказываться в субботу от привычного отъезда в деревню, на что обращают внимание репортеры.

Грамотно был проведен роспуск народного представительства и с точки зрения полицейских методов, позволивших избежать беспорядков в столице. Таврический дворец, оцепленный полицией ранним утром в воскресенье, оказался просто закрыт для депутатов. Между тем в воображении многих народных избранников, психологически готовившихся, по мере усиления конфликта с властью, к вероятному разгону, складывались более героические и эффектные сценарии – вплоть до отказа покинуть зал заседания и осады здания войсками. Неожиданным оказался «замок на дверях», помешавший устроить в Таврическом дворце яркое политическое зрелище. «Жизнь ввела только поправку, на вид незначительную, но оказавшуюся роковой по своим последствиям. Мы ошиблись в одном – мы были уверены, что указ о роспуске объявят нам непременно в самой Думе», – с сожалением вспоминал один из лидеров кадетов М. М. Винавер. Но самым сильным шоком стала массовая пассивность населения после известия о роспуске, хотя, как внушали себе оппозиционные политики, люди сразу устремятся на защиту парламента: «Сонливые пешеходы, сонливые лошади, сонливое солнце. Безлюдье – никакой жизни, никакого признака движения. Кричать хотелось от ужаса и боли... Мы сидели в Петербурге; не только столица – вся страна уже знала о роспуске. И ни откуда живого отклика: народ хранил гробовое молчание»⁴².

Предусмотрительным шагом, затрудняющим превращение бывших депутатов в «мучеников», стало решение Столыпина не препятствовать их массовому отъезду в Выборг, где парламентарии приняли знаменитое воззвание, а затем – возвращению в столицу. «Приехав в Петербург, мы крайне удивились, даже отчасти огорчились тому, что нас не арестовали, – признавал кадет В. А. Оболенский. – Со стороны правительства это было весьма мудро: оно показало этим, что мы ему не страшны, и тем еще больше подчеркнуло наше бессилие в борьбе с ним»⁴³. Выдвинутые позже обвинения против подписавших Выборгское воззвание оформили с соблюдением юридических тонкостей, процессуально корректно был организован и открытый судебный процесс. Символические – по несколько месяцев – сроки заключения в тюрьме, полученные всеми экс-депутатами, имели лишь одно, но очень важное последствие – лишение права участвовать в дальнейшем в любых выборах. Подобная мелочная мстительность власти внесет свой вклад в накапливание политико-психологической напряженности в обществе – не только на следующих витках политического процесса, в «столыпинскую эпоху», но и позднее...

Начало «эры Столыпина» – 8 июля 1906 года, с подписанием указов о роспуске Думы и назначением председателем Совета министров, – не напоминало триумфальное восхождение на властный олимп. В обстановке сохраняющейся революционной нестабильности и острой политической конфронтации, при всеобщем недоверии к власти фигура нового премьер-мини-

стра воспринималась неоднозначно и настороженно. «Вера наша без дел со стороны гр. Витте оказалась мертва, но и дела П. А. Столыпина не будут ли мертвы без нашей веры?» – задавала риторические вопросы либеральная печать. Перспективы деятельности правительства представлялись пессимистично. «Каковы же могут быть у страны при торжестве воззрений г. Столыпина надежды на будущее, если и впредь, невзирая на политический смысл народа, Думу будут распускать всякий раз, как в ней найдутся „нежелательные“, „опасные элементы“»⁴⁴.

В Высочайшем манифесте о роспуске Думы, написанном в основном Столыпиным, подчеркивались две идеи: борьба с революционным насилием и проведение реформ на пути совместной работы с народным представительством. Эта политическая стратегия в упрощенном виде зачастую и самим Столыпиным представлялась формулой, ставшей легендарной: «Сначала успокоение, затем реформы». Тем не менее именно Столыпин добился включения в Манифест принципиального тезиса, который отсутствовал в предложенном Николаем II «конспекте»: «Распуская нынешний состав Государственной думы, Мы подтверждаем вместе с тем неизменное намерение Наше сохранить в силе самый закон об учреждении этого установления». Был обозначен и ключевой конституционный принцип, касавшийся законодательных функций Думы, совместно с которой необходимо осуществлять преобразования: «Мы будем ждать от нового состава Государственной думы осуществления ожиданий наших и внесения в законодательство страны соответствия с потребностями обновленной России». Сообщал Манифест, хоть и в довольно патриархальной стилистике, и об особом внимании государя к решению крестьянского вопроса: «...все дальнейшие заботы мои, как отца о своих детях, будут направлены к справедливому обеспечению крестьян землею».

Отчасти подобием атрибута «конституционности» могла показаться замена состава правительства, объявленная вместе с роспуском Думы. При этом уход Горемыкина, откровенно враждебного конституции, был усилен, по личному требованию Столыпина, увольнением наиболее реакционных деятелей – главноуправляющего землеустройством и земледелием А. С. Стишинского и обер-прокурора Синода А. А. Ширинского-Шихматова. Впрочем, на общем политико-психологическом фоне этот «реверанс» в сторону общественного мнения мог показаться совсем незначительным. Были предупреждены о возможных отставках также государственный контролер П. Х. Шванебах и министр юстиции И. Г. Щегловитов – их портфели Столыпин предполагал отдать представителям общественности, но, как оказалось, необходимости в этом не возникло...

Политически знаковой неудачей оказалась для Столыпина попытка в очередной раз привлечь в правительство либеральных деятелей. Возобновленные после роспуска Думы переговоры показали, что даже умеренные либералы склонны дистанцироваться от власти, несмотря на относительно лояльное отношение к Столыпину лично.

Встретившись 15 июля с приглашенными из Москвы Д. Н. Шиповым и кн. Г. Е. Львовым (будущим премьером и главой Министерства внутренних дел в первом и втором составе Временного правительства в марте – июле 1917 года), Петр Аркадьевич убедился в их категорическом неприятии факта роспуска Думы. Настрой Шипова и его единомышленников оставался неутешительным: «Была утеряна последняя надежда на возможность осознания единения государственной власти с обществом, на честное осуществление свобод, дарованных Манифестом 17 октября, и на мирный переход к обещанному стране новому государственному строю». Отказываясь от участия в «коалиционном» правительстве, Шипов и Львов выставили теперь требование, чтобы семь из тринадцати министров (помимо премьер-министра) были «призваны из общества» и «сплочены единством политической программы». Но при этом, как они дополнительно подчеркивали в письме Столыпину, резюмируя итоги переговоров, «главою кабинета должны быть Вы, ибо назначение нового главы явилось бы в настоящее время колебанием авторитета власти». Новое правительство обязано обратиться к стране с четким сообщением о поставленных кабинетом задачах и важнейших готовящихся законопроек-

тах: «Реформаторство правительства должно носить на себе печать смелости и ею импонировать обществу. Поэтому мы считаем единственно правильной политикой настоящего времени открытое выступление правительства навстречу свободе и социальным реформам, и всякая отсрочка в этом отношении представляется нам губительной...»⁴⁵.

В ходе переговоров А. И. Гучкова и Н. Н. Львова с царем также подтвердилось, что для Николая II категорически неприемлема принципиальная установка либералов о необходимости вступления в правительство «целой группы лиц с какой-то программой». Царь специально подчеркивал это в письме Столыпину⁴⁶. Но премьер и сам откровенно предупреждал Гучкова и Львова перед приемом у государя 20 июля: мол, в России не может быть речи о парламентском режиме, и только от воли монарха зависит ограничение власти. Впоследствии Гучков вспоминал: «Он (Столыпин. – И. А.) очень желал, чувствовал необходимость ввести в бюрократическую среду новые элементы и не только дорожил личностью Львова и моей, но самым принципом чего-то нового. Он чувствовал, что это произведет впечатление. Мы, однако, сказали ему то, что говорили Витте: мы готовы идти, но только при двух условиях – программа, которая должна была бы связать правительство и характеризовать новый его состав в глазах общественного мнения, и затем мы настаивали на значительном расширении состава людей со стороны». Но Столыпин, соглашаясь пригласить большее количество популярных в обществе фигур (включая выдающегося юриста А. Ф. Кони, который был бы принят «с восторгом»), не горел желанием вырабатывать общую правительственную программу, «которая, может быть, связала бы это правительство более практически». Он был готов говорить подробно только об аграрной программе (достаточно приемлемой, на взгляд Гучкова). «Насколько Столыпин хотел введения новых элементов, настолько государь перестал этим дорожить», – отмечал он после встречи с Николаем II⁴⁷.

Наблюдение Гучкова показательно, особенно в контексте дальнейшей половинчатости и непоследовательности реформ, которые удавалось проводить. Александр Иванович был поражен «полным спокойствием и благодушием государя», «не вполне сознательным отношением к тому, что творится», тем, что он «не отдавал себе отчета во всей серьезности положения». Складывалось впечатление, что у Николая II и его окружения уже начинало крепнуть «какое-то ощущение спокойствия, безопасности», того, что «революционная волна не так грозна и можно без новшеств обойтись». Вердикт Гучкова оказался неутешителен: «Я сказал Столыпину: „Если спасать Россию, самого государя, ее надо спасать помимо его, надо не считаться с этими отдельными проявлениями его желания, надо настоять“. Самое тяжелое впечатление [оставило то], что у него было полное спокойствие»⁴⁸.

Николай II, в свою очередь, считал, что именно он принял решение и отказался включать в правительство общественных деятелей, – на основе впечатлений от бесед. «Нечего падать духом», – призывал царь, сообщая Столыпину о результатах часовых встреч с Н. Н. Львовым и А. И. Гучковым: «Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т. е. государственного управления, в особенности Львов. Поэтому приходится отказаться от старания привлечь их в совет мин<истров>. Надо искать ближе»⁴⁹. А в письме матери после встреч с Гучковым, Львовым, а также выборным членом Государственного совета Ф. Д. Самариным (кандидатом на пост обер-прокурора Синода) Николай II с облегчением отмечал: «У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужною скромностью и боязнью скомпрометироваться. Придется и без них обойтись»⁵⁰.

Провал с приглашением в правительство видных либералов связывался в печати, в частности, с отсутствием у Столыпина в первые недели премьерства развернутой программы. «Во всяком случае, конечно, ни один истинно общественный деятель не согласился принять формулу, которую до сих пор поддерживал в своих выступлениях г. Столыпин: „прежде успокоение, потом – перемены“. Эта лукавая игра словами... находится в прямом противоречии

с честным прямодушием, которого вправе требовать общество от каждого из деятелей»⁵¹. Журналисты с сарказмом писали после неудачи переговоров с Гучковым и Львовым: «Министерство г. Столыпина во всяком случае исполнено большой решимости – взять на свои плечи гигантскую теорему о спасении России без общественных деятелей»⁵². Правительство, сформированное в итоге из представителей бюрократии, иронически объявляли «кабинетом джентльменов», а самого Столыпина – «премьер-джентльменом». «Никогда еще Россия не имела такого молодого и красивого министерства, как нынешнее, дополненное вчера тремя – не касаясь их политических и общественных взглядов – чрезвычайно приятными в личных отношениях и корректно-изящными людьми. С премьером П. А. Столыпиным, В. Н. Коковцовым и И. Г. Щегловитовым образовалась бы настоящая ложа „министров-джентльменов“ в Государственной думе, если бы последняя существовала бы и не была распущена П. А. Столыпиным. К тому же все шесть умеют говорить, и прения в Думе представляли бы значительный, так сказать, даже литературный интерес, если бы только Дума не была распущена»⁵³.

Естественно, длительная, семимесячная отсрочка выборов во 2-ю Думу негативно влияла на авторитет власти и популярность Столыпина. Надеялись дождаться нормализации политической обстановки в стране, спада революционного радикализма и, как следствие, того, что выборы дадут более подходящий для конструктивной работы состав депутатов. Впрочем, некоторый оптимизм внушало то, что в Манифесте сразу указывалась точная дата созыва Думы – 20 февраля 1907 года; это позволяло рассчитывать на выполнение властью взятого обязательства. Знаком «конституционной» корректности Столыпина было и решение отложить до открытия Государственной думы созыв также и верхней палаты – Государственного совета.

Примечательна установка премьера максимально эффективно использовать период «междумия» для подготовки законопроектов, чтобы не повторять скандально-сатирический опыт правительства Горемыкина. В. И. Гурко вспоминал: «Первые слова, сказанные им мне после своего назначения главою правительства, были: „Перед нами до собрания следующей Государственной думы 180 дней. Мы должны их использовать вволю, дабы предстать перед этой Думой с рядом уже осуществленных преобразований, свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать все от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени“»⁵⁴. И действительно, Столыпин обеспечил 2-ю Думу массой материалов для содержательной работы. В. А. Маклаков вспоминал, что депутаты столкнулись с изобилием законопроектов: «В первый же день их было внесено 65; в другие дни бывало и больше; так, 31 марта было 150»⁵⁵.

Реформаторская премьера

Программу реформ, как часть более широкой программы действий правительства, Столыпин представлял несколько раз. Коррективы вносились в зависимости от текущей политико-психологической конъюнктуры, от ситуации в стране, расклада сил в правящих верхах и, в целом, установок власти. Отличалась и общая политическая стилистика поведения власти, и в первую очередь Столыпина, олицетворявшего реформаторский курс.

24 августа 1906 года правительство опубликовало программную декларацию с обширным перечнем планируемых законодательных мер. Анонсируемые реформы охватывали, по сути, все сферы – от решения аграрного вопроса до обеспечения «гражданского равноправия и свободы вероисповедания», реформ местного управления, суда, средней и высшей школы, введения рабочего страхования и т. д. Подробный и обстоятельный вариант программы будет представлен Столыпиным депутатам 2-й Думы 6 марта 1907 года. Но тогда общественное внимание оказалось сконцентрировано в первую очередь на репрессивной части декларации. «Долгом государства» объявлялось решительное подавление революционного экстремизма, необходимость «остановить поднимающуюся кверху волну дикого произвола, стремящегося сделать господами положения всеуничтожающие противообщественные элементы». «Правительство не колеблясь противопоставит насилию силу», – предупреждалось в декларации.

Программа правительства воспринималась прежде всего сквозь призму впечатлений от введения 19 августа в чрезвычайно-указном порядке по статье 87 Основных законов (позволявшей утверждать законы в перерывах между сессиями законодательных учреждений), положения о военно-полевых судах. Этот инструмент «скорострельной», «пулеметной» юстиции предусматривал изъятие дел гражданских лиц из ведения обычных судебных инстанций, если преступные деяния были «настолько очевидные, что нет надобности в их расследовании». Дела надлежало рассматривать в течение 48 часов, и 24 часа отводилось на приведение в исполнение приговора. Инициатором столь жесткой меры был не Столыпин, а лично Николай II, потребовавший незамедлительного учреждения военно-полевых судов. Но в обществе введение «скорорешительных» судов, вызывавших почти единодушное неприятие, расценивалось как ответ власти на взрыв дачи премьер-министра на Аптекарском острове, устроенный эсерами-максималистами 12 августа (погибли 27 человек, 32 человека были ранены, в том числе дети Столыпина – дочь Наталья и сын Аркадий).

Столыпин между тем не только не собирался использовать действия террористов для приостановки или отказа от курса реформ, но даже беспокоился, что случившееся может сыграть на руку правоконсервативным и реакционным кругам, настроенным против любых преобразований. Сохраняя удивительное самообладание после взрыва, когда еще не были увезены тела погибших, Петр Аркадьевич заявлял о необходимости решительно продолжать реформы. «В крошечной уборной, выходящей в сад, стоит Столыпин и, скинув верхнее платье, старается отмыть облившие его чернила, – вспоминал В. И. Гурко. – По одну его сторону стоит Коковцов, по другую – я. Мокрый, со струящейся с него водой, Столыпин, несколько возбужденный, с жаром говорит: „Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать осуществлять реформы; в них спасение России“. И это не была поза. Столыпин в эту пору, в первом пылу государственного творчества, был действительно всецело предан мысли о реформах России и думал лишь о них»⁵⁶. В аналогичном духе высказывался Столыпин, вскоре после теракта, и на заседании Совета министров. Показателен и включенный в декларацию от 24 августа тезис о недопустимости «приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолой, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо». Это был явный сигнал, обращенный к крайне правым, в ответ на требования «некоторых общественных групп».

Характерны политические установки Столыпина в первый период премьерства – с лета 1906 по весну 1907 года, свидетельствующие, что в это время он воспринимал назревшие преобразования как эффективное средство для укрепления государства, не менее важное, чем применение силы. «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада, – отмечал Столыпин в одной из записок. – Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним следствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления... Это было бы и роковой ошибкой – там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признание бессилия правящей власти»⁵⁷.

Столыпин был настроен на энергичное осуществление первоочередных реформаторских мероприятий, уверенно взяв инициативу в свои руки. Приоритетные законопроекты премьер не собирался откладывать до созыва Думы (осознавая, что они могут встретить сопротивление, даже если Дума окажется менее левой), а проводил на основании статьи 87 Основных законов – указами государя. Подобный стиль реформ «сверху» был максимально эффективен в складывавшихся условиях. Немаловажно и то, что благодаря личной поддержке Николая II (в это время Петр Аркадьевич пользовался наибольшим расположением царя) инструмент чрезвычайного законодательства позволял успешно обходить и сопротивление со стороны консервативных сил.

Как известно, центральным элементом программы Столыпина была аграрная реформа, нацеленная на превращение крестьян в полноправных хозяев обрабатываемой земли, освобождение от диктата деревенской общины, уравнивание в гражданских правах с другими категориями подданных, получение возможности расширять обрабатываемые земельные участки и т. д. Поэтому, естественно, в первую очередь были приняты на основе указов государя по статье 87 приоритетные акты в рамках земельной реформы.

Таким путем оказался утвержден базовый документ, запускающий в полном объеме аграрную реформу, – указ от 9 ноября 1906 года, имеющий не очень эффектное название «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»⁵⁸. Указ обеспечивал право свободного выхода крестьян из общины и «укрепления» земельного надела в частную собственность. Указ являлся логичным продолжением Манифеста от 3 ноября 1905 года (отменяя выкупные платежи с 1 января 1907 года, он освобождал землю крестьян от обременений), создавая механизм превращения земли в личную собственность и возможность ее вовлечения в оборот. Ранее был принят указ от 27 августа «О предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения», определявший порядок передачи части казенных земель Крестьянскому банку для продажи крестьянам⁵⁹. Для образования земельных участков, предлагаемых переселенцам, указом от 19 сентября 1906 года в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия передавались кабинетские земли в Алтайском округе⁶⁰. Предпринимались и важные шаги, стимулирующие приобретение крестьянами земли в банке. 14 октября 1906 года последовал указ, снижающий размер платежей заемщиков Крестьянского банка начиная со второго полугодия 1906 года, при этом средства, недополучаемые банком в результате такого «облегчения», должны были компенсироваться из бюджета. А указом от 15 ноября 1906 года Крестьянскому банку разрешалась выдача ссуд под залог наделных земель для расширения и улучшения крестьянского землевладения⁶¹.

Ряд подготовленных Советом министров законопроектов, обеспечивающих гражданские права населения, был введен в действие тоже по статье 87. Принципиальное значение имел указ от 5 октября 1906 года «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывате-

лей и лиц других бывших податных сословий». Многомиллионное крестьянство уравнивалось в правах с другими сословиями, окончательно отменялись разные архаические ограничения и дискриминационные меры (круговая порука, подушная подать, ограничения свободы передвижения и выбора места жительства и др.)⁶².

Был принят и один из важнейших законов, входивших в пакет конфессиональных законопроектов (они разрабатывались в развитие положений указа от 17 апреля 1905 года о свободе вероисповеданий и Манифеста 17 октября 1905 года). Николай II утвердил 17 октября 1906 года проект «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов». По статье 87 были проведены и приняты Советом министров 31 января 1907 года Временные правила для узаконения браков, заключенных лицами неправославных исповеданий⁶³.

Современники, причастные к «властным коридорам», видели, что значительная часть реформаторской программы Столыпина, особенно по решению аграрного вопроса, опиралась на имеющиеся уже правительственные наработки. С. Е. Крыжановский, категорично подчеркивая, что «в области идей Столыпин не был творцом, да и не имел надобности им быть», отмечал: «Совокупность устроительных мер, которые Столыпин провел осенью 1906 года в порядке ст. 87 Основных государственных законов, представляла собою не что иное, как политическую программу князя П. Д. Святополк-Мирского, изложенную во Всеподданнейшем докладе от 24 ноября 1904 года, которую у него вырвал из рук граф С. Ю. Витте, осуществивший часть ее в укороченном виде, в форме указов 12 декабря того же года... В частности, предусмотренное программой Святополк-Мирского упразднение общины и обращение крестьян в частных собственников – так называемый впоследствии закон Столыпина – был получен им в готовом виде из рук В. И. Гурки (имеется ввиду товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко. – И. А.). Многие другое – законопроекты об устройстве старообрядческих общин, об обществах и союзах, проект переустройства губернского и уездного управления и полиции – Столыпин нашел на своем письменном столе в день вступления в управление Министерства внутренних дел»⁶⁴.

Впрочем, активное использование проектов, подготовленных ранее коллегами, характеризует Столыпина скорее с положительной стороны. Главным была «политическая воля» – энергия, с которой премьер-министр взялся за систематизацию разрозненных законопроектов и форсированную подготовку новых документов, ориентируясь на системные представления о программе реформ и деятельности правительства. Об этом свидетельствуют и выступления Столыпина с правительственными декларациями.

Примечательно, что на первом этапе деятельности премьер, проявляя инициативность, был готов энергично продвигать прогрессивные проекты преобразований, проявляя настойчивость в общении с Николаем II. Например, в декабре 1906 года Столыпин попытался добиться, чтобы царь утвердил постановление правительства об отмене ограничений прав евреев и членов их семей. Предлагалось снять некоторые ограничения при выборе места проживания, возможности заниматься определенными видами деятельности, отменить запреты на аренду и приобретение недвижимости в городах, включение в правление акционерных обществ, имеющих земельные активы и др.⁶⁵. Но государь, «несмотря на самые убедительные доводы», отказался утверждать журнал Совета министров с соответствующим решением. Весьма характерна мотивация царя, не приводившего при этом никаких рациональных аргументов, несмотря на актуальность и остроту этих вопросов, важных для миллионов людей: «...внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, вы тоже верите, что „сердце цареве в руцех Божиих“. Да будет так».

Столыпин не сдавался, пытаясь склонить Николая II к положительному решению. Повторяя в письме от 10 декабря 1906 года часть аргументов, он ссылался на «начала гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября» и указывал на необходимость «успокоить неревolutionную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений». Напоминал он и о том, что разработанный правительством проект – это исполнение обещания, включенного с одобрения царя в декларацию от 24 августа 1906 года («коренное решение еврейского вопроса является делом народной совести и будет разрешен Думой, до созыва которой будут отменены не оправдываемые обстоятельства времени наиболее стеснительные ограничения»). Столыпин предупреждал об опасных для авторитета верховной власти последствиях отказа, поскольку в печать уже попали сведения о проекте, принятом правительством и ожидающем утверждения государем. Петр Аркадьевич предлагал, чтобы царь хотя бы принял резолюцию, что, «не встречая по существу возражений», ввиду сложности вопрос следует провести «общим законодательным порядком», а не по статье 87, как планировал премьер. Таким образом, появлялась бы отсрочка до созыва 2-й Думы, но это не выглядело бы явным отказом царя; не подрывалось бы и доверие к правительству («в настоящее время вам, государь, нужно правительство сильное»)⁶⁶. Николай II ограничился совсем лаконичной резолюцией, без каких-либо оценок и конкретных обещаний: «Внести на рассмотрение Государственной думы», и впредь к этому вопросу уже не возвращались...⁶⁷

Либеральный арсенал

План реформ наиболее подробно был изложен Столыпиным 6 марта 1907 года, в первом выступлении перед депутатами 2-й Думы. Это была одна из его наиболее ярких, четко выстроенных и содержательных речей.

Интересно, что премьер сразу подчеркнул: формирование новой системы законов будет иметь единую идейную основу – «общую руководящую мысль, которую правительство будет проводить во всей своей последующей деятельности». Он отметил при этом сложность задачи, стоящей перед правительством «в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения». Избегая использовать понятия «конституционный» или «либеральный», Столыпин обозначал ключевой принцип, определяющий подход правительства: «Мысль эта – создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в *государство правовое*, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены».

Правительство обязуется выработать в первую очередь комплекс законодательных норм, которые позволят реализовать права граждан, «возвещенные» Манифестом 17 октября. «Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством», – обращал внимание Столыпин. С оговоркой о Православной Церкви, исторически являющейся «господствующей», премьер заявлял о намерении обеспечить принципы веротерпимости и свободы совести, делающие возможным свободный переход из одного вероисповедания в другое, «беспрепятственное богомоление», «образование религиозных общин», «сооружение молитвенных зданий» и т. д.

Говоря о законодательных гарантиях неприкосновенности личности, Столыпин обещал «обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обуславливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции». Обещано было упразднить административную высылку «в определенные места», а «исключительные положения», вводимые в случае войны или народных волнений, сократить с трех до одного.

«На новых началах» будет перестроена «местная жизнь». Премьер декларировал реформу управления (на губернском, уездном и участковом уровне) с эволюцией в сторону децентрализации и расширения прерогатив самоуправления на всех уровнях. Анонсировалось создание и мелкой земской единицы – «бессловной, самоуправляющейся волости»: «волость будет самой мелкой административно-общественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица». Реформируя систему земского и городского самоуправления, правительство предлагает законопроект, перестраивающий систему земского представительства на принципе налогового ценза. Столыпин пояснял, что правительство расширяет таким путем «круг лиц, принимающих участие в земской жизни, но обеспечивая одновременно участие в ней культурного класса землевладельцев, компетенция же органов самоуправления увеличивается задачей им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним администрации заключается в надзоре за законностью их действий».

Административная реформа предусматривает объединение на местах многочисленных учреждений в однотипные губернские, уездные и участковые органы. Результатом реформы станет в том числе упразднение должностей земских начальников, обычно особенно консер-

вативных и непопулярных у населения. Столыпин обращал внимание и на планы реформирования полиции: «Полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, которые будут переданы власти следственной». Депутатам будет предложен на рассмотрение и новый полицейский устав, который «должен заменить устарелый устав о предупреждении и пресечении преступлений и точно установить сферу действий полицейской власти».

Совершенствование судебной системы – обязательное условие для движения к правому государству. В рамках общей реформы управления «с отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению». Столыпин анонсировал разработанный Министерством юстиции законопроект о преобразовании местного суда: он предусматривает сосредоточение «судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений».

Знаковый характер имело заявление премьера о «незыблемости основных начал судебных уставов Александра Второго» и намерении продолжить развитие системы правосудия – обеспечить доступ адвокатов к участию в предварительном следствии, ввести институт условного осуждения и условного досрочного освобождения и т. д. Примечательно утверждение, что «в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона», будет внесен законопроект об уголовной и гражданской ответственности служащих. Как подчеркивал премьер, это будет закон, который «действительно» обеспечит «применение начала уголовной и имущественной ответственности служащих за их проступки», ограждая при этом их деятельность «от обвинений явно неосновательных».

Указание Столыпина на необходимость решения рабочего вопроса особенно показательно, учитывая левую, социалистическую ориентацию большей части думского большинства. Важнейшая задача власти – «положительное и широкое содействие... благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков в их положении». Премьер стремился обозначить и отвечающий духу «обновленного строя» взгляд на «рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения». Следовательно, «реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности». Решению рабочего вопроса будет способствовать уменьшение административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, государственное попечение о нетрудоспособных рабочих путем страхования от болезней, увечий, инвалидности. Ситуация с охраной труда улучшится благодаря пересмотру норм труда малолетних рабочих и подростков, запрету для них и для женщин ночных и подземных работ...

О планируемых мероприятиях в сфере народного просвещения Столыпин говорил как о непереносимом условии «поднятия экономического благосостояния населения». Приоритетом объявлялась «коренная» школьная реформа на всех ступенях образования – иначе «наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения». Ближайшая задача правительства и общества – обеспечение «общедоступности, а впоследствии и обязательности начального образования для всего населения империи». В области средней школы предусматривалось создание разнообразных типов учебных профессиональных заведений, дающих общий минимум образования. А в реформе высшей школы следует развивать начала, положенные в основу преобразований, предполагаемых указом от 27 августа 1905 года (он предоставлял университетам широкую автономию)⁶⁸.

Разумеется, в общем выступлении о планах преобразований Столыпин подчеркивал приоритетность аграрной реформы. Он говорил о проведенных по статье 87 «законах об устройстве быта крестьян» как незамедлительных, обосновывая их принятие невозможностью «отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы». Видимо, не желая раздражать и без того негативно настроенное к власти оппозиционное большинство Думы, премьер деликатно указывал: правительство рассчитывает, что принимаемые меры будут способствовать успокоению крестьянской массы. Как отмечал Столыпин, «на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде». Петр Аркадьевич обращал внимание на принятые уже решения о предоставлении крестьянам государственных, а также удельных и кабинетных земель «на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние», в том числе скорректировав устав Крестьянского банка. Потребность в спешном проведении землеустроительных мероприятий, создании условий для «облегчения разверстания чересполосицы, выделения домохозяевам отрубных участков» и т. д. делает необходимым переустройство землеустроительных комиссий, чтобы «теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала».

Что же касается ключевого закона – о выходе из общины, – который вызывал наибольшую критику со стороны не только левых, но и либералов, прежде всего кадетов, то Столыпин обращал внимание на его «ненасильственный» и прогрессивный характер. «Устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда», – уверял Столыпин.

К содержательному рассмотрению реформаторских законопроектов 2-я Дума фактически так и не приступила. Выступление Столыпина вызвало резкое, почти единодушное неприятие. Вынужденный в ответ на многочисленные нападки в этот день еще раз подняться на трибуну, премьер обратился к депутатам уже в другом тоне – корректном, преисполненном достоинства, но и весьма жестком: «Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут волею монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи – не скамьи подсудимых, это место правительства». Подчеркнув, что правительство «будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений», премьер пообещал, что будет вестись безжалостная борьба с нападками, подстрекающими к революционным выступлениям: «Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: „Руки вверх“. На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: „Не запугаете“»⁶⁹.

Слово и дело власти

Столыпин предстал в Думе эффектным публичным политиком, ярким оратором, выступающим с запоминающимися речами – впечатляющими своей уверенностью, искренностью, образностью выражений, тотчас превращающихся в «крылатые». Всем стало очевидно, что теперь во главе правительства находится масштабная, можно сказать, харизматичная фигура государственного деятеля, способного достойно представлять официальную власть.

Депутаты сразу почувствовали, что перед ними «не угасающий старый Горемыкин, а человек полный сил, волевой, твердый», – вспоминала впечатления от появления Столыпина в Таврическом дворце А. В. Тыркова-Вильямс, журналистка и активный деятель партии кадетов. «Высокий, статный, с красивым, мужественным лицом, это был барин по осанке и по манерам и интонациям. Дума сразу насторожилась. В первый раз из министерской ложи на думскую трибуну поднялся министр, который не уступал в умении выражать свои мысли думским ораторам. Столыпин был прирожденный оратор. Его речи волновали. В них была твердость. В них звучало стойкое понимание прав и обязанностей власти. С Думой говорил уже не чиновник, а государственный человек. Крупность Столыпина раздражала оппозицию. Горький где-то сказал, что приятно видеть своих врагов уродами. Оппозиция точно обиделась, что царь назначил премьером человека, которого ни в каком отношении нельзя было назвать уродом. Резкие ответы депутатов на речи Столыпина часто принимали личный характер... В сущности, во Второй думе только он был настоящим паладином власти»⁷⁰.

Петр Аркадьевич проявил себя как политик и государственный деятель принципиально нового стиля – отвечающий современным реалиям, понимающий важность игры по правилам публичной политики и, главное, обладающий необходимым для этого потенциалом. «В лице его впервые предстал пред обществом вместо привычного типа министра-бюрократа, плывущего по течению в погоне за собственным благополучием, какими их рисовала молва, новый героический образ вождя,двигающего жизнь и увлекающего ее за собой, – реконструировал политико-психологический портрет Столыпина С. Е. Крыжановский, вдумчивый наблюдатель и непосредственный участник политической жизни. – ...Высокий рост, несомненное и всем очевидное мужество, умение держаться на людях, красно говорить, пустить крылатое слово – все это, в связи с ореолом победителя революции, довершало впечатление и влекло к нему сердца». Столыпин обладал артистичностью, не свойственной высокопоставленным сановникам, хотя среди них были и очень решительные, мужественные деятели. «Но ни один из них не умел, подобно Столыпину, облекать свои действия той дымкой идеализма и самоотречения, которая так неотразимо действует на сердца и покоряет их, – отмечал Крыжановский. – И кривая русская усмешка, с которой встречалось прежде всякое действие правительства, невольно стала уступать уважению, почтению и даже восхищению. Драматический темперамент Петра Аркадьевича захватывал восторженные души, чем, быть может, и объясняется обилие женских поклонниц его ораторских талантов. Слушать его ходили в Думу, как в театр, а актер он был превосходный... Короткое дыхание – следствие воспаления легких – и спазм, прерывавший речь, производили впечатление бурного прилива чувств и сдерживаемой силы, а искривление правой руки – следствие операции костяного мозга, повредившей нерв, – придавало основание слухам о том, что он был ранен на романтической дуэли»⁷¹.

Образ Столыпина воспринимался с неподдельным интересом (зачастую и с восхищением, плохо скрывавшимся политическими оппонентами), ему сопутствовали и различные легенды, преимущественно «героические». Например, И. И. Толстой, бывший министр народного просвещения в правительстве С. Ю. Витте, записывал отзывы одного из близких к премьеру людей: «Столыпин, по его (Н. Д. Оболенского. – И. А.) мнению, являет собой редчайший тип, сумевший, с одной стороны, импонировать Думе, а с другой – нисколько не боящийся

государя и имеющий возможность говорить с ним совершенно прямо. С жизнью он, в известном смысле, покончил, так как совершенно приготовился к смерти, которой ему угрожают: даже исповедался и причастился»⁷².

Столыпин хотел сотрудничества со 2-й Думой, понимая при этом, что она оказалась более левой, чем ее предшественница (несмотря на активное использование административного ресурса в ходе выборов). Поэтому первоначально он стремился формировать в восприятии Николая II более или менее позитивный образ Думы, пытался поддерживать ее «авторитет», сглаживая самые острые, конфликтные моменты. Тактически Столыпин надеялся наладить минимальное взаимодействие с лидерами оппозиционного большинства. Главное – получить от Думы осуждение в какой-либо форме революционного террора и хотя бы нейтральное, без агрессивного публичного противодействия, отношение к правительственной аграрной реформе.

Так, докладывая царю 20 февраля, что открытие Думы «прошло благополучно», премьер обращал внимание: приветственная речь кадета Ф. А. Головина, выбранного председателем Думы, «была прилична». Отмечал, что после передачи «привета» от имени Николая II, правые вставали и было провозглашено «в честь вашего величества „ура“, подхваченное всею правою стороною; левые не вставали, но не решились на какую-либо контр-манifestацию». Выступив с декларацией, Столыпин подчеркивал как позитивное обстоятельство, что Дума приняла лишь «простой переход к очередным делам», и в общем давал условно-оптимистичную оценку: «Настроение Думы сильно разнится от прошлогоднего, и за все время заседания не раздалось ни одного крика и ни одного свистка». Сегуя, что председатель Думы не останавливает крайне резкие речи левых ораторов, Столыпин предлагает царю во время приема Головина 9 апреля лично высказать ему неудовольствие: «Я уверен, что твердое слово вашего величества Головину будет первым грозным предостережением против революционирования народа с думской кафедры». Стремясь настроить Думу на конструктивный лад, в том числе используя влияние царя, премьер подразумевал, что разгон представительства может оказаться сейчас выгоднее не столько власти, сколько самим левым: «Дума „гниет на корню“, и многие левые, видя это, желали бы роспуска теперь, чтобы создать легенду, что Дума создала бы чудеса, да правительство убоилось этого и все расстроило». Николай II, последовав совету, «отчитывался»: «Разговор с Головиным сегодня прошел успешно. Я ему высказал все, что имел на душе и в мыслях, – не резко. Он старался выгораживать себя довольно слабо. Настроен оптимистично, думая, что Госуд<арственная> дума после Пасхи заработает!»⁷³ После скандального эпизода с выступлением на закрытом заседании 16 апреля социал-демократа А. Г. Зурабова, которое было воспринято как «оскорбление доблестной русской армии», премьер сделал все возможное, чтобы «ликвидировать» инцидент, и министры вновь могли посещать заседания Думы. При этом еще раньше, чтобы дополнительно не раздражать депутатов, отказался вносить в Думу закон о военно-полевых судах, который, таким образом, в апреле 1907 года утратил силу⁷⁴.

Перелом в установках Столыпина, потерявшего надежду на возможность работы со 2-й Думой, произошел, видимо, после бурного обсуждения 10 мая, посвященного аграрному вопросу. Премьер готов был даже признать «в виде исключения» возможность принципа принудительного отчуждения частной земли, тем не менее он окончательно убедился в категорическом неприятии правительственной аграрной реформы не только трудовиками и социал-демократами, но и кадетами. Программную речь «об устройстве быта крестьян и о праве собственности» Столыпин завершил словами, ставшими сразу знаменитыми. «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа, – отмечал Столыпин, апеллируя к своему прежнему опыту. – Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных госу-

дарствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! (*Аплодисменты справа.*)»⁷⁵. Кроме того, уже было запущено с использованием приемов полицейской провокации «разоблачение» некоего «государственного заговора» с участием депутатов социал-демократической фракции, якобы планировавших восстание в воинских частях. 1 июня премьер потребовал от Думы отстранить от работы 55 социал-демократов и лишить шестнадцати из них депутатской неприкосновенности, а задержку с «выдачей» использовал как предлог для роспуска Думы (царь торопил – «пора треснуть»!). На этот раз, в отличие от ситуации с роспуском 1-й Думы, власти уже не опасались каких-то волнений и массовых протестов...

3 июня 1907 года был издан Манифест о роспуске 2-й Думы, и одновременно царь утвердил новое Положение о выборах – существенно измененный избирательный закон. Столыпин был главным идеологом и организатором такого способа «разрубить» политическую проблему. Власти невозможно работать с левой оппозиционной Думой, при этом нет никаких шансов получить лояльную нижнюю палату, если сохранить действующий выборный закон.

«Государственный переворот» – подобная оценка сближала и оппозиционеров, и высокопоставленных представителей бюрократии. Власть нарушала Манифест 17 октября 1905 года и Основные законы, согласно которым ни один закон не может быть принят без утверждения Государственной думы. Более того, в статье 87 Основных законов особо оговаривалась невозможность издания в обход Государственной думы и Государственного совета законов, изменяющих избирательную систему. Общественное мнение не приняло аргумент, приведенный в Манифесте о роспуске Думы: мол, поскольку ее состав Николай II признал неудовлетворительным, то и право изменять избирательный закон принадлежит не ей, а государю («только власти, даровавшей первый избирательный закон»).

Издание Манифеста о роспуске Думы с прилагаемым новым избирательным законом находилось в «формальном противоречии с Основными законами» и содержало «бесчисленное количество недостатков с точки зрения теоретической», – признавал С. Е. Крыжановский. Указывая на отсутствие, по сути, альтернативы нарушению Основных законов, он обосновывал политическую целесообразность предпринятых шагов и выпуск Манифеста как «учредительного акта», исходящего от верховной власти. «Производить новые выборы на прежних основаниях значило ввергать страну лишний раз в лихорадку без всякой надежды получить Думу, способную к производительной работе, – пояснял логику Крыжановский. – И Первая, и Вторая думы приоткрыли картину народных настроений, которой не представляли себе ни правители, исходившие из понятий, завещанных официальным славянофильством, ни даже общество, исходившее из представлений народнических... Оставалось одно – прикрыть отдушину, закупорить ее в надежде, что огонь притухнет и даст время принять меры к подсечению его корней и к укреплению правительственного аппарата. Вырвать Государственную думу из рук революционеров, слить ее с историческими учреждениями, вдвинуть в систему государственного управления – вот такая задача ставилась перед верховной властью и правительством». И кстати, Столыпин, лично составлявший Манифест 3 июня, очень гордился получившимся документом. После его смерти в письменном столе был обнаружен черновик этого акта в особом конверте, с надписью: «Моему сыну»⁷⁶.

«Третьеиюньский переворот», нацеленный на появление в Думе проправительственного, «работоспособного» большинства, кардинально изменял соотношение представителей от различных социальных групп. Новый закон, превращая Думу «крестьянскую» в «господскую», перераспределял квоты выборщиков в пользу имущих слоев – землевладельцев и буржуазии. Это стало ключевым инструментом «настройки» состава Думы, учитывая, что система выборов была в своей основе многоступенчатой. Так, число выборщиков в крестьянской курии сокра-

щалось на 45 %, в рабочей курии – на 46 %, а в землевладельческой увеличивалось почти на 33 %! В губернских избирательных собраниях прочное большинство получали землевладельцы, которые являлись самым консервативным элементом. Ощутимое влияние на социально-политический «портрет» народного представительства оказывало и сокращение количества городов, где проводятся прямые выборы, – с двадцати шести до пяти. При этом городских избирателей, составлявших ранее единую курию, разделяли на две: к первой курии относились домовладельцы, купцы и т. д., а ко второй – «средний класс», уплачивающий квартирный налог. Соответственно, городская интеллигенция, политически наиболее активная, вытеснялась во вторую курию, где голос избирателя весил в 7,6 раза меньше. Наконец, были полностью лишены представительства в Думе 10 областей и губерний азиатской части России, значительно сокращались депутатские квоты для польских губерний и Кавказа⁷⁷.

Фракционный состав 3-й Думы, выбранной по новому закону (и с многочисленными злоупотреблениями со стороны властей «административным ресурсом», включая бесчисленные псевдоюридические «разъяснения»), подтвердил арифметические расчеты авторов «избирательной реформы». Правительство могло опираться в Думе на большинство, причем в двух политических конфигурациях – это позволяло Столыпину эффективнее манипулировать позицией депутатов, в зависимости от конъюнктурных особенностей рассматриваемых вопросов. Основу большинства составляла самая многочисленная фракция «партии власти» – октябристов (154 депутата к открытию первой сессии Думы 1 ноября 1907 года). Но в Думе, состоящей из 442 депутатов, октябристам требовалось объединяться либо с умеренно правыми и националистами, либо с находившимися левее более радикальными либералами – кадетами и прогрессистами. Крайние течения – ни ультраправые, ни социал-демократы и трудовики – не могли играть самостоятельной роли. Таким образом, Столыпин получал инструмент проведения своей политики – и «репрессивной», для окончательного подавления революционной смуты, и реформаторской, опираясь на центристское большинство – с право-националистической комплектацией или с более либеральной...

Знаковым свидетельством новых политических реалий «третьеиюньской системы» стало первое же выступление Столыпина в Думе с правительственной декларацией 16 ноября 1907 года. Изменилась стилистика в целом политической жизни, другим стал и стиль публичного поведения представителей власти – прежде всего, перед депутатами лояльной и, как считалось поначалу, вполне управляемой 3-й Думы.

Речь Столыпина перед «работоспособной» Думой отличалась от предыдущих программных выступлений. Более строгим, сдержанным, высокомерным стал общий тон обращения к депутатам. Подчеркнутая лаконичность и тезисность изложения были особенно заметны при упоминании реформ. Столыпин уже не утруждал себя перечислением всех либеральных по своей сути преобразований, о которых ранее подробно вещал депутатам оппозиционной 2-й Думы. Напротив, стилистику речи определяла категоричность заявлений с «репрессивными» угрозами, напыщенный пафос «государственнической» и откровенно националистической, «почвеннической» риторики. Язык выступления Столыпина отражал уверенность, которую хотелось ощущать власти в новейшей политико-психологической реальности, и решимость в проведении своего курса.

Основной акцент делался теперь на актуальность задач «наведения порядка» и «успокоения» вместо программы реформ. «Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайне левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение (*оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы „браво“*), – сразу начал излагать принципиальные подходы правительства Столыпин, выйдя на трибуну. – Противопоставить этому явлению можно только силу. (*Возгласы „браво“ и рукоплескания в центре и справа.*) Какие-либо послабления в этой области правительство сочло

бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты. По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени – этим путем пойдет оно и впредь»⁷⁸.

Шокирующее впечатление произвел финал речи «конституционалиста» и «либерала» Столыпина. Премьер объявлял, что «обновленный строй» (не упоминая ни Манифеста 17 октября, ни его конституционного содержания) всецело зависит от «монаршей воли». Несмотря на «чрезвычайные трудности», верховная власть, как пояснял Столыпин, «дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы высочайше дарованного ей представительного строя». Но, как недвусмысленно и с необычайным пафосом возвещал премьер, определяющую роль в России играла и будет играть исключительно верховная власть: «Проявление царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая самодержавная власть (*бурные рукоплескания и возгласы справа „браво“*)... историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, признана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. (*Бурные рукоплескания и возгласы „браво“ в центре и справа.*)»⁷⁹.

«Не только текст этой декларации и бурные ликования справа, но и ничем не вызванный резкий тон, которым Столыпин ее прочел, произвели ошеломляющее впечатление, – вспоминал В. А. Маклаков. – Это был явный реванш правых. Они победили Думу, да и Столыпина, а он явился перед Думой как бы другим человеком. Оппозиция негодовала или злорадствовала. Она-де это предвидела. Октябристы были смущены и не знали, как на это им реагировать. Был объявлен перерыв заседания»⁸⁰.

Репутация Столыпина (точнее, ее ухудшение) в глазах либеральной общественности была прочно связана с бросающимся в глаза сдвигом вправо в позиции власти. Это ставило под сомнение готовность правительства к проведению наряду с аграрной реформой и других преобразований – демократического характера, созвучных идеям формирования правового государства и гражданского общества, которые ранее декларировал Столыпин.

Вместе с ослаблением «боевого настроения страны» и появлением лояльной Думы становилось все более заметным стремление власти к отказу от обещавшихся либеральных реформ. «Заявления правительства освобождались от украшавшего их налета либерализма, а список возвещаемых реформ все сокращался и сокращался, – определил тенденцию известный кадетский публицист А. С. Изгоев. – В декларации 6 марта 1907 года, прочитанной перед **Второй** „революционной“ думой, П. А. Столыпин говорил о совместной деятельности *правительства* с народным представительством; членам благонамеренной **Третьей** думы он уже говорил о „совместной работе *вашей* с правительством“. Этот тон менял, конечно, всю музыку деклараций. Но и помимо тона множество реформ, возвещенных Второй думе, исчезли из правительственной программы, когда правительству пришлось выступить перед Третьей». В частности, «процесс исчезновения и линияния реформ» затронул такие декларировавшиеся Столыпиным преобразования, как обеспечение ненаказуемости экономических стачек, школьная реформа, гражданская и уголовная ответственность должностных лиц, упразднение земских начальников, свобода совести, неприкосновенность жилища⁸¹.

Неизбежное следствие конструирования Думы на основе «третьиюньского закона» – ее бессилие, неспособность влиять на проведение заявленных ранее властью реформ. 3 июня 1907 года стало переломным моментом в политике правительства. Например, И. И. Толстой безрадостную оценку итогов уже первой думской сессии связывал с принципиальным подходом власти к взаимодействию с депутатским корпусом: «У нас пока правительство и официозы его, с „Новым временем“ во главе, держатся того принципа, что не исполнительная власть

должна заслужить доверие „народного представительства“, а, напротив, это представительство под страхом разгона и наказаний (*à la Perse*) должно стараться заслужить доверие правительства. 3-я Дума это поняла и по мере сил старалась заслужить доверие правительства и присных его, а не страны, которая пока играет второстепенную роль. Ни утверждения свобод, обещанных актом 17 октября, ни регулирования отношений сословий и классов, ни утверждения в стране более выносимых порядков и обуздания произвола 3-я Государственная дума за 8 месяцев не коснулась»⁸².

Ключевая ставка

Системная важность аграрной реформы, которую Столыпин с самого начала объявлял первостепенной, обуславливалась соображениями и экономического, и политического характера. С успехом задуманных мероприятий связывалось появление в России широкого слоя мелких земельных собственников – стабильной социальной опоры государства. Если будет предоставлена «возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению», как постоянно повторял Петр Аркадьевич, то это «заложит основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание».

«Вопрос землеустройства» Столыпин объявлял «коренною мыслью», «руководящей идеей» правительства, выступая с декларацией перед 3-й Думой. Соответствующие установки теперь формулировались особенно категорично: «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (*рукоплескания центра и справа*), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования – вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. (*Рукоплескания в центре и справа*).»⁸³.

Примечательно, что в реалиях «третьеиюньской системы» Столыпин не только настойчиво подчеркивал приоритетность реформы, поднимающей «благосостояние основного земледельческого класса государства». Премьер прямо ставил в зависимость от ее успеха большинство других либеральных преобразований – в сфере государственного управления и местного самоуправления, развития судебной системы, обеспечения гражданских прав и неприкосновенности личности, свободы совести, развития просвещения. Отвечая на речь В. А. Маклакова, критиковавшего выступление Столыпина за перекосящий в сторону репрессивных и полицейских мер в ущерб проведению реформ, глава правительства делал упор на идею: необходимо еще создать условия, при которых население сможет «в действительности воспользоваться дарованными ему благами». При этом подразумевалось, что в первую очередь следует «поднять» до такой возможности многомиллионное крестьянское население. А главной предпосылкой является экономическая, материальная составляющая, то есть превращение крестьян в полноправных собственников земли.

«Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы (*рукоплескания в центре и справа*), – провозглашал Столыпин. – Для того чтобы воспользоваться этими благами, ведь нужна известная, хотя бы самая малая доля состоятельности. Мне, господа, вспомнились слова нашего великого писателя Достоевского, что «деньги – это чеканная свобода»... Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма. (*Рукоплескания в центре и справа. Возгласы „браво“*).»⁸⁴.

Ключевую роль в «пакете» аграрных преобразований играл указ 9 ноября 1906 года о свободном выходе из общины. Столыпин и проправительственное большинство 3-й Думы не

спешили запускать обсуждение указа, вступившего в действие сразу после издания, рассчитывая, что реформа станет уже абсолютно необратимой. Законопроект, к обсуждению которого приступили лишь в октябре 1908 года, был принят с не очень существенными поправками, получил одобрение Государственного совета (один из немногих реформаторских актов, благополучно прошедших «фильтр» верхней палаты!) и утвержден государем 14 июня 1910 года.

Закон (а сначала указ) устанавливал, что каждый домохозяин, владеющий наделом на общинном праве, может потребовать «укрепления» в личную собственность полагающейся ему земли. Желая стать владельцами земли получали ряд «бонусов», которые по замыслу властей дополнительно стимулируют выход из общины и формирование столь значимого для судеб России слоя мелких земельных собственников. Так, «укрепляться» должен был надел, который находился в пользовании со времени последнего передела, причем независимо от того, как изменилось с тех пор количество человек в семье. Это было привлекательно для семей, ожидавших уменьшения своих наделов при следующем переделе. Выходившие из общины могли также оставить за собой излишки земли, превышавшие норму, – плата за эту землю устанавливалась льготной (по выкупной цене 1861 года, которая была существенно ниже текущих цен). А если передела земли в общине не происходило свыше 24 лет, то «укрепить» в личную собственность можно было всю землю, находившуюся в пользовании, без какой-либо доплаты. Особенно важно, что покидающий общину был вправе потребовать выделения «отруба» – отдельного участка взамен чересполосных земель; законом предусматривалась и возможность отселения на хутора. Оформление в частную собственность полноценного компактного участка превращало землю в более ценный актив, который можно выгоднее продать, а главное – получить под залог земли кредит в Крестьянском банке.

«Насильственное разрушение общины», которое оппоненты ставили в вину Столыпину, проявлялось, к примеру, в довольно разумной норме указа 9 ноября, а затем «Закона 14 июня». Если община в течение 30 дней не давала согласия на выход, то выдел происходил по распоряжению земского начальника. Кроме того, действенный инструмент был предусмотрен и в другом важнейшем законе – «О землеустройстве», называвшемся «Законом 29 мая 1911 года»⁸⁵ (его принятию предшествовало издание ряда временных правил и инструкций). При выполнении землеустроительных работ для ликвидации чересполосицы не требовалось предварительного «укрепления» земли за дворохозяевами, и члены общины начинали автоматически считаться собственниками, даже если об этом не просили. Поэтому селения, в которых были проведены землеустроительные работы, объявлялись перешедшими к наследственно-подворному владению. Как отмечает П. Н. Зырянов, «Столыпин, видимо, и сам понимал, что чересполосное укрепление не создаст „крепкого собственника“, что это «лишь половина дела». Поэтому с 1908 года для стимулирования перехода к хуторам и отрубам принимались дополнительные меры в рамках землеустроительной политики, приоритетным становилось разверстание наделов сразу целых деревень («Временные правила о выделе наделной земли к одним местам», «Временные правила о землеустройстве целых сельских обществ» и др.)⁸⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.